

♥ ✨ Алекс Скай ✨

Он привык,
что весь мир
у его ног...
Кроме неё

ТЫЩКА
НЕ ТВОЕГО КРУГА,
МАЖОР

Алекс Скай

Пышка не твоего круга, мажор

<https://litres.ru/74516939>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык, что весь мир у его ног. Кроме неё.

Алина Морозова всю жизнь знала: в мир богатых людей таких, как она, пускают только через служебный вход.

Она — пышная девушка из маленькой домашней кондитерской, которая мечтает вытащить семейное дело из долгов и доказать, что её десерты достойны не только районной витрины, но и самых дорогих залов Москвы.

Матвей Романов — наследник строительной империи, мажор с ледяным взглядом и привычкой получать всё, что захочет. Для него люди делятся на свой круг и всех остальных.

Их первая встреча должна была закончиться обычным унижением: он поставил её на место, она промолчала, вечер продолжился.

Но Алина не промолчала.

Одна фраза — и скандальное видео разлетелось по сети. Теперь весь город обсуждает пышную кондитершу, которая поставила на место самого Матвея Романова.

Он уверен, что она пожалеет.

Она уверена, что никогда не станет удобной.

Главный вопрос: почему именно она единственная, кого он не может забыть?

Содержание

Глава 1. Не твоего круга	5
Глава 2. Девушка со служебного входа	44
Глава 3. Пари золотых мальчиков	93
Г	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Алекс Скай

Пышка не твоего круга, мажор

Глава 1. Не твоего круга

Я всегда знала: у богатых людей даже воздух другой.

Не чище, не лучше — просто чужой. Отполированный до блеска, пропитанный дорогими духами, тишиной ковров и привычкой не замечать тех, кто приносит им кофе, держит перед ними двери и исчезает раньше, чем на белой скатерти успевает появиться крошка.

В тот вечер я впервые вошла в отель «Астория Гранд» не через боковой вход.

И, честно говоря, это уже было маленькой победой.

— Алин, ты точно всё проверила? — мама в пятый раз поправила крышку на коробке с муссовыми пирожными, хотя крышка и так сидела идеально. — Может, надо было ещё раз пересчитать?

— Мам, если мы пересчитаем ещё раз, пирожные сами встанут и уйдут от стыда.

Она посмотрела на меня так, будто хотела улыбнуться, но тревога всё равно победила.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Триста мини-десертов, шесть видов, сорок безе, двадцать пять тарталеток с карамелью, башня из профитролей, которую я ненавижу всей душой, потому что она смотрит на меня свысока.

— Башня не может смотреть.

— Может, если ты с ней всю ночь воюешь.

Мама наконец улыбнулась. Устало, мягко, с той самой морщинкой у губ, которая всегда появлялась, когда она пыталась спрятать волнение за бытовыми хлопотами. Её ладони пахли ванилью и тёплым тестом. Мои — сахарной пудрой, пергаментом и страхом.

Страх тоже имеет запах. Немного металлический, немного влажный. Как у монеты, которую долго сжимаешь в кулаке.

Перед нами стояли две тележки с коробками. Наш маленький логотип — «Морозова. Домашняя кондитерская» — на крафтовых наклейках выглядел почти смешно среди мрамора, зеркал и золотых ручек отеля. Маленький, скромный, честный. Как и мы.

Я провела пальцем по краю одной коробки и заставила себя вдохнуть ровнее.

Сегодня нас увидят.

Не районные постоянные клиенты, которые заходили за эклерами после работы и знали маму по имени. Не соседки, которые брали пироги «к чаю, потому что свои уже не те».

Не ребята из кофейни на углу, которым я иногда оставляла обрезки бисквита просто так.

Сегодня нас увидят люди, которые решают, кому открывать двери, а кого оставлять снаружи.

И я собиралась войти.

В длинном тёмно-зелёном платье, купленном не в бутике, а в обычном магазине после трёх примерок и одного почти отчаянного взгляда на ценник. Платье сидело хорошо. Даже красиво. Оно не скрывало меня полностью, не превращало в чёрную занавеску, не делало вид, будто у меня нет бёдер, груди, мягкого живота и всего того, что я слишком долго пыталась утянуть, сгладить, уменьшить.

Сегодня я решила не уменьшаться.

Я заколола волосы низко, оставив у лица пару прядей, накрасила губы спокойным ягодным оттенком и почти поверила, что имею право выглядеть так, будто пришла сюда не просить, а работать.

— Алина, — мама коснулась моего плеча. — Помни: ты это заслужила.

Я посмотрела на неё.

— Мы заслужили.

Она отвела взгляд, и я сразу поняла: сейчас скажет что-то привычное, материнское, жертвенное.

— Главное, чтобы у тебя получилось. Мне уже много не надо.

— Мам.

— Что?

— Не начинай вот это «мне много не надо». Я ради этого и стараюсь, чтобы тебе наконец было надо всё. Новая печь, нормальная витрина, вывеска без облупившейся буквы «О», отпуск хотя бы на неделю.

— У нас буква не облупилась, она характерная.

— Она висит на честном слове.

— Зато своя.

Я сжала её руку.

— Вот именно. Своя. Поэтому мы сегодня должны показать этим людям, что за нашей маленькой вывеской стоит не районная лавочка, а дело, которое может вырасти.

Мама кивнула, но я видела, как у неё дрожит уголок рта. За последние семь лет после папиной смерти она привыкла жить осторожно: не мечтать слишком громко, не брать лишнего, не ждать слишком многого. Осторожность спасала нас от разочарований, но иногда мне казалось, что она же и держит нас в тесной комнате без окон.

Я хотела открыть окно.

Даже если снаружи окажется холодно.

Мы прошли по служебному коридору вместе с администратором отеля — сухой женщиной в чёрном костюме, которая называла меня «Алина Сергеевна» так ровно, будто это было не имя, а строка в договоре. Она бросала на тележки внимательные взгляды, иногда сверялась с планшетом и не задавала лишних вопросов.

— Размещение десертного стола в малом бальном зале, — сказала она. — Гости начнут собираться через сорок минут. У вас есть двадцать пять минут на финальную выкладку.

— Нам хватит, — ответила я быстрее, чем успела испугаться.

— Надеюсь.

Слово было нейтральным. Совершенно нейтральным. Но я всё равно услышала в нём привычное: посмотрим, что вы там из себя представляете.

Мы вошли в зал.

И я на секунду забыла, как дышать.

Малый бальный зал оказался совсем не малым. Хрустальные люстры отражались в зеркальных панелях, высокие окна выходили на вечернюю Москву, где огни уже рассыпались по стеклу золотыми точками. На круглых столах лежали белые скатерти, такие гладкие, будто их выглаживали не руками, а чьей-то безупречной волей. В центре зала стояла сцена с экраном, на котором медленно сменялись фотографии: дети, мастерские, благотворительный фонд, улыбающиеся спонсоры.

Всё выглядело дорого.

Даже сострадание здесь выглядело дорого.

— Вот здесь, — администратор указала на длинный стол у левой стены. — Декор согласован. Ничего не менять без разрешения координатора.

Я посмотрела на стол.

Серебристые подставки. Стеклянные колпаки. Тёмно-зелёные ленты в цвет моего платья, потому что я три дня переписывалась с декоратором и доказывала, что десертный стол должен выглядеть не «миленько», а элегантно. Мелочь, но я за неё боролась.

Мама тихо сказала:

— Красиво.

— Будет ещё красивее.

Мы начали выкладку.

В этом я была спокойнее всего. Руки знали, что делать. Пирожные становились рядами, профитроли — кругом, безе — лёгкими облаками на краю стола. Тарталетки я поставила ближе к центру: они были почти идеальны, тонкая основа, солёная карамель, ореховая крошка. Наш маленький риск — не слишком сладко, не слишком привычно, не «как у всех».

Вокруг мелькали официанты, флористы, люди с гарнитурами. Кто-то спорил о свете, кто-то поправлял карточки раскладки, кто-то шёпотом ругал поставщика льда. Я двигалась в этом чужом, дорогом хаосе всё увереннее.

Может быть, правда получится.

Может быть, сегодня кто-нибудь попробует наш десерт и спросит: «Кто это сделал?»

Может быть, завтра у нас появятся новые заказы.

Может быть, мама перестанет считать каждую квитанцию

с таким лицом, будто цифры на бумаге решают, сколько нам можно мечтать.

Я ставила последнюю карточку с названием «Тарталетка с солёной карамелью и лесным орехом», когда за спиной раздался мужской голос:

— Почему это ещё здесь?

Не громко.

Но так, что сразу стало понятно: этот человек привык, что после его слов люди начинают двигаться быстрее.

Я обернулась.

Он стоял в нескольких шагах от стола, высокий, тёмноволосый, в идеально сидящем смокинге. Не просто красивый — опасно красивый. Слишком правильные черты, слишком спокойный взгляд, слишком дорогая уверенность в каждом движении. Такие мужчины не входят в зал. Они занимают его, даже если просто стоят у стены.

Рядом с ним замерла та самая администратор с планшетом.

— Матвей Игоревич, — сказала она, и в её голосе впервые появилась человеческая тревога. — Десертный стол почти готов.

Матвей Игоревич.

Романов.

Я узнала фамилию раньше, чем лицо. Её невозможно было не узнать: строительная империя, благотворительные вечера, глянцевого интервью, элитные кварталы, скандалы во-

круг сноса старых зданий, фотографии в деловых изданиях. Наследник, управляющий, золотой мальчик с ледяными глазами.

И хозяин сегодняшнего вечера.

Он даже не посмотрел на меня сразу. Сначала окинул взглядом стол, потом коробки, потом мою маму, которая держала в руках пустой контейнер и, кажется, решила стать невидимой.

— Я спрашиваю, почему коробки стоят на виду, — произнёс он. — Гости будут здесь через полчаса. Это не ярмарка выходного дня.

У меня внутри что-то неприятно сжалось.

Администратор быстро повернулась ко мне:

— Алина Сергеевна, уберите упаковку в служебную зону.

— Мы уже убираем, — сказала я.

Матвей наконец посмотрел на меня.

И вот это было хуже.

Потому что в его взгляде не было злости. Злость хотя бы признаёт, что ты существуешь. А он смотрел так, будто оценивал помеху в интерьере: слишком заметную, слишком неуместную, требующую устранения.

Его глаза скользнули по моему платью, по фартуку, который я повязала поверх, чтобы не испачкаться при выкладке, по моей фигуре, задержались на руках, испачканных каплей карамели, и вернулись к лицу.

— Вы из персонала? — спросил он.

Я моргнула.

Не от вопроса. От тона.

— Я отвечаю за десертный стол.

— Значит, из персонала.

Мама тихо втянула воздух.

Я почувствовала это кожей.

В такие моменты во мне всегда просыпались сразу две Алины. Одна — взрослая, разумная, которая понимала: сегодня важный вечер, нельзя портить шанс, нельзя ссориться с человеком, от которого зависит контракт. Вторая — девочка из старого двора, которую однажды в школе назвали «булочкой» так громко, что смеялась вся раздевалка, и которая потом три дня делала вид, что ей всё равно.

Вторая Алина умела кусаться.

Я заставила себя улыбнуться.

— Если вам удобнее так думать, пожалуйста.

Он чуть приподнял бровь.

— Мне не нужно думать. Мне нужно, чтобы зал был готов.

— Зал будет готов.

— Тогда почему вы стоите и разговариваете?

Эта фраза прозвучала чуть громче, чем предыдущие.

Достаточно громко, чтобы несколько официантов у стены повернули головы. Женщина-флорист замерла с веткой эвкалипта в руке. Администратор резко опустила взгляд в планшет, будто там внезапно появилась очень важная строка.

А я почувствовала, как по шее поднимается жар.

Не от стыда даже.

От того, что он делал это при людях.

Я могла проглотить многое. Резкий тон. Ошибку. Даже высокомерие. Но публичное унижение имеет особый вкус — горький, плотный, как пережжённый сахар.

— Потому что вы задали мне вопрос, — ответила я. — Я решила, что на вопросы здесь принято отвечать.

На секунду зал будто стал тише.

Матвей Романов посмотрел на меня внимательнее.

Вот теперь он меня увидел.

Не полностью, конечно. Такие люди не видят сразу. Но достаточно, чтобы понять: помеха в интерьере умеет говорить.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Алина Морозова.

— Алина, — он произнёс моё имя без отчества, как делают люди, которые заранее ставят тебя ниже себя. — Я объясню один раз. Сегодня вечер федерального уровня. Здесь будут партнёры фонда, инвесторы, пресса и люди, для которых важна безупречность. Если вы отвечаете за участок работы, вы обеспечиваете порядок, а не устраиваете дискуссию с организатором.

Мне хотелось сказать: «А если организатор не умеет отличать порядок от хамства, кто за это отвечает?» Но мама стояла рядом. Наши десерты стояли рядом. Наш шанс стоял рядом, хрупкий, как тонкая сахарная сетка на верхушке

профитрольной башни.

Я проглотила первую фразу.

— Я вас слышала.

— Надеюсь.

Он уже собирался отвернуться.

Наверное, для него разговор был окончен. Он поставил меня на место, обозначил границы, зал сохранил свою безупречность. Можно идти дальше, к важным людям, важным деньгам, важным рукопожатиям.

Но в этот момент мама нечаянно задела локтем одну из пустых коробок. Коробка соскользнула с тележки и упала на пол.

Звук был негромкий.

Но Матвей повернулся так резко, будто рухнула люстра.

— Господи, — произнёс он холодно. — Неужели нельзя нанять людей, которые хотя бы коробки держат в руках?

Мама побледнела.

Я увидела, как она наклонилась за коробкой, слишком быстро, слишком виновато, будто это она испортила вечер, репутацию фонда и всю жизнь Матвея Романова одним куском картона.

И что-то внутри меня щёлкнуло.

Я шагнула вперёд и подняла коробку сама.

— Можно, — сказала я. — Но тогда вам придётся сначала научиться видеть в людях людей.

Он застыл.

Администратор закрыла глаза.

Мама шепнула:

— Алина...

Я уже не могла остановиться. Есть момент, когда молчание становится дороже любого контракта. Особенно если рядом стоит твоя мать, которая всю жизнь работала так, что пальцы к вечеру не разгибались, и какой-то мужчина в дорогом смокинге считает, что имеет право говорить о ней как о некачественно нанятой функции.

Матвей медленно повернулся ко мне полностью.

— Что вы сказали?

Я держала коробку в руках и чувствовала, как картон слегка проминается под пальцами.

— Вы слышали.

— Повторите.

— Не стоит. Здесь, кажется, ценят порядок.

Его лицо не изменилось, но взгляд стал жестче. Очень холодный, собранный взгляд человека, который не привык, чтобы ему отвечали. Не спорили — именно отвечали, не дрожа и не извиняясь заранее.

Он сделал шаг ближе.

— Вы понимаете, где находитесь?

— В малом бальном зале отеля «Астория Гранд». У десертного стола, который через двадцать минут должен стать лучшей частью вашего вечера.

— Самоуверенно.

— Нет. Профессионально.

Он усмехнулся уголком губ.

— Профессионалы не устраивают сцены.

— Сцены устраивают те, кто отчитывает людей при посторонних, чтобы выглядеть выше.

У стены кто-то тихо кашлянул. По залу прошла едва заметная волна напряжения. Люди делали вид, что заняты делом, но все слушали. Я ощущала их взгляды — на спине, на плечах, на лице. И ещё я ощущала взгляд мамы. В нём было всё сразу: страх, гордость, ужас и бесконечное «доченька, только не сейчас».

Конечно, именно сейчас.

Потому что потом такие разговоры не случаются. Потом тебе говорят: «Надо было ответить». Потом ты лежишь ночью и придумываешь идеальные фразы. Потом человек вроде Матвея Романова уже сидит в своём автомобиле, а ты всё ещё стоишь у мойки и ненавидишь себя за то, что улыбнулась.

Я не хотела потом.

Матвей наклонил голову.

— Кто утвердил этого поставщика?

Администратор вздрогнула.

— Матвей Игоревич, кондитерская прошла конкурсный отбор. Дегустационная комиссия выбрала...

— Я спросил, кто утвердил поставщика, а не кто ел пирожные на дегустации.

Мама опустила глаза.

И вот это добило меня окончательно.

— Я не поставщик, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Да?

— Я автор этого десертного стола. А это, — я указала на маму, — моя мать и совладелица нашей кондитерской. Мы не случайные люди с улицы, которых можно унижать ради вашего настроения.

На лице администратора отразилось такое отчаяние, будто я только что сама подожгла скатерть. Матвей молчал. И чем дольше он молчал, тем отчётливее я понимала: извинений не будет.

Не потому, что он не понял.

Потому что извиняться передо мной было бы для него слишком большим снижением.

Он оглядел стол ещё раз. Медленно, оценивающе, почти лениво. Потом его взгляд вернулся ко мне.

— Значит, вы та самая Морозова.

Я сжала коробку сильнее.

— Та самая.

— Забавно.

— Что именно?

— Я ожидал увидеть кого-то другого.

— Более подходящего к интерьеру?

Он чуть заметно улыбнулся.

— Более сдержанного.

— А я ожидала, что благотворительный вечер ведут люди с благородными манерами. Мы оба сегодня удивлены.

Вот теперь он перестал улыбаться.

Мама тихо сказала:

— Алина, хватит.

Я слышала её. Правда слышала. Но остановиться уже не могла, потому что это было не только обо мне. Это было обо всех разгах, когда нас просили «не обострять». Когда старый район называли «перспективной зоной под застройку». Когда люди в костюмах приходили, смотрели на нашу улицу и говорили так, будто дома, лавки, дворы, судьбы — просто неудачно расположенные метры.

Матвей Романов был из того же мира.

Из мира, где сначала решают, сколько стоит земля, а потом замечают, что на ней кто-то живёт.

Он приблизился ещё на шаг. Между нами осталось меньше метра. Я почувствовала запах его парфюма — дорогой, древесный, холодный. Такой же уверенный, как он сам.

— Алина Морозова, — сказал он почти тихо. — Вы сейчас стоите на мероприятии, которое может дать вашему маленькому делу больше, чем вы заработаете за год. Я бы на вашем месте выбирал слова аккуратнее.

— А я бы на вашем месте аккуратнее выбирала, кого унижать.

— У вас очень высокая самооценка.

— Нет. Просто не настолько низкая, как вам удобно.

Он смотрел на меня так, будто решал, раздавить сразу или сначала изучить, почему я не раздавилась.

В этот момент в зал вошли первые гости.

Смех, шелест платьев, шаги, приветствия. Мир дорогого вечера начал заполнять пространство, а мы всё ещё стояли друг напротив друга у стола с десертами, как две стороны одной очень неправильной витрины: он — наследник империи, я — пышная девушка из маленькой кондитерской, которая должна была быть благодарна уже за то, что её пустили внутрь.

Я видела, как несколько гостей замедлили шаг.

Высокая женщина в серебристом платье бросила на нас любопытный взгляд. Молодой мужчина достал телефон, будто проверял сообщение, но камера была направлена слишком удобно. Я заметила это краем глаза, но поздно.

Матвей тоже заметил.

И, конечно, вместо того чтобы закончить разговор достойно, сделал то, что умеют люди его круга: выбрал фразу, которая должна была поставить точку и оставить его сверху.

— Всё равно такие, как ты, здесь долго не задерживаются. Он сказал это негромко.

Но микрофоны не нужны, когда в зале умеют слушать чужое унижение.

Слова повисли между нами, и я вдруг почувствовала странное спокойствие. Почти прозрачное. Будто вся злость,

весь страх, вся обида осели на дно, а наверху осталась только ясность.

Такие, как ты.

Я слышала это всю жизнь в разных вариантах.

Такие, как ты, не носят облегающие платья.

Такие, как ты, не нравятся красивым парням.

Такие, как ты, должны быть благодарны за любую работу.

Такие, как ты, не заходят через парадный вход.

Такие, как ты, знают своё место.

Я поставила коробку на тележку.

Медленно. Аккуратно.

Потом сняла фартук.

Мама едва слышно выдохнула:

— Алина, пожалуйста...

Я повернулась к Матвею.

И улыбнулась.

Не мило. Не вежливо. Не так, как улыбаются заказчикам, от которых зависит оплата.

А так, как улыбаются человеку, который только что сам выдал тебе оружие.

— Зато такие, как вы, — сказала я ясно, чтобы слышали не только он и администратор, — часто путают дорогой ко-

стю с достоинством.

В зале стало тихо.

Не полностью, конечно. Где-то у входа продолжали звучать голоса, звякнул бокал, кто-то неловко рассмеялся и тут же замолчал. Но рядом с нами тишина сгустилась, стала почти осязаемой.

Матвей не отвёл взгляд.

И я тоже.

Мне было страшно. До дрожи в коленях. До сухости во рту. До понимания, что контракт, возможно, только что умер прямо на белой скатерти среди моих идеальных тартелеток.

Но вместе со страхом пришло другое.

Я не исчезла.

Он попытался поставить меня ниже, а я осталась стоять.

Это оказалось почти счастьем.

Очень глупым, очень опасным, совершенно несвоевременным счастьем.

Первой очнулась администратор.

— Матвей Игоревич, гости...

Он не ответил ей. Его взгляд всё ещё был на мне.

— Вы пожалеете, — произнёс он.

Без крика. Без угрозы в привычном смысле. Просто как человек, который редко ошибается в прогнозах.

Я наклонила голову.

— Возможно. Но это будет моё сожаление. Не ваше распоряжение.

Его лицо стало совсем непроницаемым.

На секунду мне показалось, что он скажет что-то ещё. Что сейчас он сделает шаг, сократит расстояние, надавит голо- сом, властью, фамилией, деньгами — всем тем, чем привык давить на людей. Но в зал уже входили гости, и рядом стояла пресса, а Матвей Романов, как я быстро поняла, мог позволить себе многое, кроме потери контроля на публике.

Он выпрямился.

— Уберите лишнее со стола, — сказал он администратору, будто меня больше не существовало. — И проследите, чтобы вечер прошёл без подобных... деталей.

Слово «деталей» он произнёс после маленькой паузы.

Я прекрасно поняла, что деталь — это я.

Он ушёл к гостям. Его сразу окружили люди: пожатия рук, улыбки, лёгкие наклоны головы, идеальная светская маска. Через несколько секунд уже невозможно было догадаться, что этот мужчина только что унижал поставщицу десертов у стены. Он смеялся, слушал, отвечал, выглядел безупречно.

Как будто ничего не произошло.

А у меня внутри всё ещё звенело.

Мама взяла меня за локоть.

— Ты что наделала?

Я повернулась к ней, и вот тут силы чуть не кончились. Потому что мама не злилась. Она боялась. За меня, за нас, за кондитерскую, за счета, за завтрашний день, за всё, что я поставила под удар одной фразой.

— Мам...

— Алина, он Романов.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Такие люди не забывают.

— А мы должны забывать? Каждый раз, когда нас ставят на место?

Она сжала губы.

— Иногда надо молчать ради дела.

— Ради какого дела, если нас при этом можно растоптать?

— Ради нашего.

Я не нашла ответа сразу.

Потому что она была права.

И я была права.

И именно это хуже всего.

Мы быстро убрали коробки. Мама почти не говорила. Я видела, как она поправляет десерты чуть более резкими движениями, чем нужно, и чувствовала вину. Не за то, что ответила Матвею. За то, что ответила так, будто последствия достанутся только мне.

Но последствия у нас всегда были общие.

Вечер начался.

Музыка стала мягче, свет приглушили, у сцены собрались гости. Десертный стол пользовался успехом — это я отметила почти машинально. Люди брали тарталетки, возвращались за второй, спрашивали у официантов, кто готовил. Несколько женщин фотографировали эклеры. Один мужчи-

на в дорогих часах сказал, что профитроли «удивительно приличные», и я решила считать это комплиментом, потому что в его устах, видимо, выше была только государственная награда.

Я стояла чуть в стороне и следила, чтобы всё выглядело идеально.

Внешне я была спокойна.

Внутри — нет.

Каждый раз, когда Матвей появлялся в поле зрения, плечи сами напрягались. Он работал залом мастерски. Улыбался старшим мужчинам, внимательно слушал женщин, легко касался локтей, представлял гостей друг другу, говорил со сцены о помощи, ответственности и будущем города.

О будущем города.

Я едва не рассмеялась, когда услышала это.

Такие, как он, очень любили говорить о будущем. Особенно если для этого будущего нужно было снести чьё-то прошлое.

После официальной части гости снова разошлись по залу. К десертному столу подошла женщина лет пятидесяти пяти — высокая, тонкая, в жемчужном сером платье. У неё было лицо человека, который умеет улыбаться так, чтобы собеседник почувствовал себя недостаточно хорошо воспитанным.

— Вы та самая девушка? — спросила она.

Я сразу поняла: речь не о десертах.

— Зависит от того, какую именно девушку вы имеете в

виду.

Её улыбка стала чуть острее.

— Которая решила устроить маленькое представление перед началом вечера.

Рядом с ней остановилась блондинка в белом платье. Очень красивая, очень ухоженная, с тонким бокалом в руке и взглядом, которым можно было резать стекло. Она смотрела на меня не как на соперницу — тогда я ещё даже не понимала, что могу оказаться для неё чем-то вроде раздражителя. Она смотрела как на неловкое пятно, появившееся на дорогой ткани.

— Мама, — сказала блондинка с ленивой усмешкой, — не стоит. Девушка просто переволновалась. Для некоторых такие вечера действительно испытание.

Мама.

Значит, передо мной была мать Матвея Романова.

А блондинка... кто? Невеста? Подруга семьи? Украшение его круга? В любом случае, из тех женщин, которых в этот зал вписывали без усилий. Узкие плечи, гладкая кожа, бриллианты у ключиц, спокойная уверенность человека, который никогда не спрашивал себя, достаточно ли хорошо выглядит, чтобы его пустили внутрь.

— Десерты вам понравились? — спросила я.

Женщина слегка удивилась.

— Простите?

— Вы подошли к десертному столу. Я решила, что вас

интересуют десерты.

Блондинка тихо рассмеялась.

— Какая смелая.

— Какая рабочая, — поправила я. — Мне платят за десерты, не за обсуждение моего характера.

Улыбка матери Матвея исчезла на долю секунды.

— В нашем кругу ценится такт.

— В моём тоже. Поэтому я не комментирую гостей, которые подходят не за пирожными, а за возможностью почувствовать себя выше.

У блондинки округлились глаза. Не от оскорбления, скорее от удовольствия. Видимо, вечер внезапно стал интереснее.

Мать Матвея наклонилась чуть ближе.

— Девочка, вы слишком резко говорите для человека в вашем положении.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается знакомый жар.

В вашем положении.

Они все говорили одинаково. Разными голосами, разными словами, но смысл всегда был один: помни место.

— Моё положение сейчас у десертного стола, — сказала я. — Если захотите попробовать тарталетку, советую начать с карамельной. Она честнее большинства светских разговоров.

Блондинка всё-таки рассмеялась. Уже открыто.

— Матвею точно стоило выбрать другого поставщика.

— Матвей Игоревич не выбирал меня лично, — ответила я. — Иначе, думаю, мы бы с вами не познакомились.

— Кира, — холодно сказала мать Матвея. — Пойдём.
Кира.

Значит, невеста. Или почти невеста. У таких женщин даже имя звучит как тонкая шпилька.

Они ушли, оставив после себя аромат дорогих духов и ощущение, что я только что получила ещё одну невидимую отметку в списке людей, которым сегодня не понравилась.

Мама подошла ко мне через минуту.

— Кто это был?

— Мать Романова и, кажется, женщина, которая считает, что белое платье даёт право на чужую самооценку.

— Алина.

— Я почти вежливо.

Мама посмотрела на меня устало.

— Ты сегодня как спичка.

— Зато не как коврик.

Она хотела ответить, но к столу подошла пара гостей, и мы обе снова стали профессиональными. Улыбки, рекомендации, салфетки, маленькие щипцы, ровный голос. Я делала всё идеально. Возможно, даже слишком идеально, будто хотела доказать не им, а себе: моя резкость не отменяет моей работы.

Ближе к концу вечера десертов осталось меньше трети.

Это было хорошо.

Очень хорошо.

Несмотря на ссору, несмотря на Романова, несмотря на его мать и Киру, люди ели наши пирожные, фотографировали их, спрашивали контакты. Я уже почти позволила себе выдохнуть, когда у стены заметила того самого молодого мужчину с телефоном. Он стоял рядом с двумя девушками, показывал им экран, и все трое смотрели то на телефон, то на меня.

У меня внутри похолодело.

Я подошла к ним раньше, чем успела себя остановить.

— Простите, — сказала я. — У вас вопрос по десертам?

Мужчина поднял глаза и слишком быстро убрал телефон.

— Нет, всё отлично.

Одна из девушек улыбнулась странно — сочувственно и одновременно жадно.

— Вы очень смелая.

Я напряглась.

— В каком смысле?

— Ну... так ответить Романову.

Вторая девушка ткнула первую локтем.

— Лер, перестань.

— Что? Уже всё равно все смотрят.

Мир на секунду сузился до одного слова.

Все.

— Что смотрят? — спросила я.

Мужчина неловко кашлянул.

— Видео.

— Какое видео?

Он переглянулся с девушками.

— С вашей... перепалкой. Там уже в канале выложили. В городском светском. Кто-то из гостей снял.

Я протянула руку.

Не знаю зачем. Наверное, хотела увидеть сама, чтобы не представлять хуже.

Мужчина поколебался, потом повернул экран ко мне.

Видео начиналось с того момента, где Матвей говорил: «Всё равно такие, как ты, здесь долго не задерживаются». Картинка была чуть дрожащей, но звук — чистый. Слишком чистый. Потом я. Моё лицо, моё платье, мои руки, мой голос: «Зато такие, как вы, часто путают дорогой костюм с достоинством».

Подпись под видео была короткой:

«Наследника Романовых поставила на место пышная кондитерша на благотворительном вечере. Скандал в “Астория Гранд”».

Пышная кондитерша.

Я смотрела на экран, и мне казалось, что зал наклоняется.

Не сильно. Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы понять: моя жизнь, возможно, только что свернула не туда, куда я её вела.

— Сколько просмотров? — спросила я.

Мужчина убрал телефон, но я успела увидеть цифру.
Она была слишком большой для нескольких минут.

Мама подошла сзади.

— Алина? Что случилось?

Я повернулась к ней.

И не успела ответить.

Потому что у другого конца зала Матвей Романов уже смотрел на меня.

Не просто смотрел.

Он знал.

Кто-то показал ему видео. Кто-то сказал. Кто-то шепнул.
Вокруг него стояли люди, но его лицо больше не принадлежало вечеру. Не гостям. Не фонду. Не благотворительности.
Оно стало тем самым лицом мужчины, который привык держать мир в руке и вдруг обнаружил, что маленькая пышная девушка из кондитерской стала трещиной на его безупречной витрине.

Он медленно пошёл ко мне.

Гости расступались почти незаметно, но я видела. Богатые люди умеют делать вид, что ничего не происходит, даже когда поворачиваются всем телом к скандалу.

Мама схватила меня за запястье.

— Не говори ничего.

Я посмотрела на неё, потом на Матвея.

— Постараюсь.

— Алина.

— Мам, правда постараюсь.

Матвей остановился напротив.

Теперь между нами не было коробок. Не было фартука. Не было иллюзии, что всё ещё можно свернуть в сторону и назвать рабочим недоразумением.

— Вы довольны? — спросил он.

Я подняла подбородок.

— Чем именно?

— Своими пятью минутами славы.

— Я не выкладывала видео.

— Но наслаждаетесь.

— Пока не успела. Вы слишком быстро подошли.

У него дрогнула челюсть.

— Удалите.

— Что?

— Видео. Свяжитесь с тем, кто выложил, и удалите.

Я посмотрела на него почти с удивлением.

— Вы правда думаете, что я управляю светскими каналами Москвы?

— Я думаю, вы прекрасно понимаете, кто это мог сделать.

— Кто-то из ваших гостей.

— Сегодня все гости мои.

— Вот у них и спросите.

Он наклонился ближе. Не настолько, чтобы это выглядело неприлично, но достаточно, чтобы я услышала, как изменился его голос.

— Вы не понимаете, во что ввязались.

— А вы не понимаете, что не всё в этой жизни можно приказывать убрать.

— Можно многое.

— Видимо, кроме собственного хамства из чужого телефона.

Его глаза потемнели.

— Вы очень быстро забываете, что ваша кондитерская получила этот вечер благодаря моему фонду.

— А ваш фонд получил десерты, которые гости хвалят весь вечер.

— Вы считаете себя незаменимой?

— Нет. Я просто не считаю себя мусором, который можно отодвинуть ногой.

Впервые за весь вечер в его лице мелькнуло что-то живое. Не раскаяние. Не стыд. Скорее раздражённое удивление. Словно я снова ответила не по сценарию.

— Матвей, — рядом появилась Кира, мягко положив ладонь ему на рукав. — Не трать время. Пресса уже подхватила. Надо дать комментарий, что это была неудачная провокация со стороны подрядчика.

Подрядчика.

Провокация.

Я медленно перевела взгляд на неё.

— Если вы назовёте правду провокацией, она от этого не станет ложью.

Кира улыбнулась мне так нежно, что стало холодно.

— Милая, правда — это то, что останется в репутации. А не то, что вам показалось в моменте.

— Тогда берегите свою. Она сейчас звучит не очень.

Её улыбка застыла.

Матвей убрал её руку со своего рукава.

Очень спокойно.

Но я заметила.

— Кира, не сейчас.

Она моргнула. Быстро, почти незаметно. Видимо, не привыкла, чтобы её отодвигали. Тем более ради разговора со мной.

— Как скажешь, — произнесла она и отошла, но не ушла. Осталась рядом, в нескольких шагах, чтобы видеть всё.

Матвей снова посмотрел на меня.

— Завтра вы приедете в мой офис.

Я даже рассмеялась. Тихо, без веселья.

— Нет.

— Это не просьба.

— Именно поэтому нет.

— Алина.

Моё имя в его голосе прозвучало уже иначе. Не снисходительно, как раньше. Жёстче. Личнее. Опаснее.

— Матвей Игоревич, — я специально добавила отчество, — я выполнила свою работу. Десертный стол принят, гости довольны. Остальное — ваша проблема с теми, кто снимает

людей без предупреждения.

— Теперь это и ваша проблема.

— Почему?

Он чуть наклонил голову, и в глазах появилась та самая холодная уверенность, от которой, наверное, сдавались подрядчики, партнёры, конкуренты и кто угодно, кто зависел от его решений.

— Потому что завтра вся Москва будет знать ваше имя.

Сердце ударило сильнее.

Не от радости.

От страха, который я не хотела показывать.

Он увидел. Конечно, увидел. Такие люди замечают трещины. Вопрос только в том, наступят ли.

Матвей наступил.

— И не факт, что вам понравится, как именно его будут произносить.

Я сжала пальцы в кулак, но голос удержала ровным.

— Зато произнесут правильно. Алина Морозова. Автор десертного стола, который вы сначала приняли за лишний предмет в зале.

Он смотрел на меня долго.

Потом вдруг сказал:

— Вы очень гордая для девушки, которая стоит на краю.

— На краю чего?

— Возможностей.

Я улыбнулась.

— Нет. Просто вы привыкли считать возможностями только те двери, которые открываются вашей фамилией.

— А вы привыкли романтизировать бедность?

Эта фраза ударила неожиданно сильно.

Я даже ответила не сразу.

Потому что бедность романтизируют только те, кому не приходилось выбирать, что оплатить сначала. Только те, кто говорит о простоте жизни из квартир с панорамными окнами. Только те, кто считает маленькую кондитерскую милой историей, пока не видит, как мама по вечерам молча сидит над цифрами и пытается сделать невозможное обычной арифметикой.

— Нет, — сказала я тихо. — Я привыкла из неё выбирать. Своими руками. Поэтому не надо объяснять мне, где край.

Матвей впервые отвёл взгляд.

Ненадолго.

Но я заметила.

— Завтра в десять, — сказал он, снова собрав лицо. — Мой помощник пришлёт адрес.

— Я не соглашалась.

— Согласитесь.

— Вы всегда так разговариваете с людьми?

— С теми, кто создаёт мне проблемы, — да.

— Тогда неудивительно, что они у вас появляются.

Его губы дрогнули, будто он хотел усмехнуться, но пере-

думал.

— До завтра, Алина Морозова.

Он развернулся и ушёл.

А я осталась стоять у десертного стола, где на серебряных подставках лежали последние пирожные — маленькие, красивые, никому не виноватые в том, что их создательница только что поссорилась с человеком, который мог одним звонком закрыть перед ней половину дверей.

Мама молчала.

Я боялась повернуться к ней.

— Мам...

— Я видела видео, — сказала она.

Я закрыла глаза.

— Прости.

— За что именно?

— За всё.

Она взяла меня за руку.

— Я боюсь, Алина.

Это было хуже упрёка.

— Я тоже, — призналась я.

— Тогда зачем ты продолжаешь?

Я посмотрела через зал на Матвея. Он снова улыбался гостям. Снова был хозяином вечера, идеальным наследником, мужчиной, у которого всё под контролем. Но теперь я знала: контроль дал трещину. И почему-то эта трещина начиналась с меня.

— Потому что если сейчас отступлю, — сказала я, — они решат, что были правы.

Мама долго молчала.

Потом тяжело вздохнула.

— У нас завтра заказ на восемь утра.

Я повернулась к ней, не сразу поняв.

— Что?

— Заказ. Капкейки для детского праздника на соседней улице. Если вся Москва завтра будет произносить твоё имя, пусть хотя бы к крему претензий не будет.

Я вдруг засмеялась.

Нервно, тихо, почти сквозь слёзы, которых не собиралась показывать в этом зале ни одному человеку. Мама тоже улыбнулась, хотя глаза у неё оставались тревожными.

Вечер закончился ближе к полуночи.

Мы собрали пустые подставки, забрали свои контейнеры, подписали акт приёмки. Администратор избегала моего взгляда, но сухо сказала, что претензий к качеству работы нет. Это прозвучало как маленькая победа на фоне большого поражения.

Когда мы вышли через служебный коридор к заднему входу, на улице уже шёл мелкий дождь. Водитель грузовой машины, которую мы арендовали на вечер, курил под козырьком и сразу затушил сигарету, увидев мамин взгляд. Я помогла загрузить коробки, потом достала телефон.

Экран вспыхнул десятками уведомлений.

Сообщения от подруги Нади. От соседки. От незнакомого номера. От поставщика муки. От девочки, которая когда-то работала у нас летом. Несколько пропущенных звонков.

И ссылка.

«Алина, это ты???»

Я открыла.

Видео уже разошлось по нескольким каналам. Подписи становились всё ярче.

«Пышка из кондитерской унизила мажора Романова».

«Скандал на благотворительном вечере: наследнику империи ответили при всех».

«Такие, как ты: фраза Романова взорвала сеть».

Комментарии летели быстрее, чем я успевала читать.

Одни писали, что я молодец.

Другие — что мне просто захотелось славы.

Третьи обсуждали мою фигуру так, будто я была не человеком, а товаром на витрине.

Кто-то спрашивал, где находится наша кондитерская.

Кто-то уже обещал прийти «за теми самыми тарталетками».

Кто-то называл Матвея мерзавцем.

Кто-то защищал его: «Да она сама нарывалась».

Кто-то написал: «Хочу такую девушку в президенты рай-она».

Я выключила экран.

Слишком много.

Мама стояла рядом и смотрела на меня.

— Что там?

Я убрала телефон в сумку.

— Кажется, завтрашний заказ на капкейки — уже не самое страшное.

— А что самое страшное?

Я посмотрела на сияющий фасад отеля. Через стеклянные двери всё ещё выходили гости: красивые, сытые, уверенные. Где-то среди них был Матвей Романов. Человек, который сказал, что такие, как я, здесь долго не задерживаются.

Может быть, он был прав.

Может быть, я действительно не задержусь в его мире.

Но, кажется, уходя, я случайно оставила там след.

— Самое страшное, — сказала я, — что он теперь меня запомнил.

Мама нахмурилась.

— А тебе это зачем?

Я не ответила сразу.

Потому что правильный ответ был: незачем.

Совсем незачем.

Мне не нужен был Матвей Романов. Его мир. Его холодные глаза. Его власть. Его угрозы. Его умение смотреть так, будто человек перед ним должен сам понять, где ниже стоять.

Но где-то глубоко, под страхом и злостью, шевельнулось странное чувство.

Не интерес.

Нет.

Вызов.

А это было опаснее.

Я села в машину рядом с мамой, и мы поехали в наш район, туда, где вывеска с облупившейся буквой «О» ждала нас под дождём, где утром нужно было снова включать свет, замешивать крем, встречать клиентов и делать вид, что жизнь не изменилась за один вечер.

Телефон снова завибрировал.

Незнакомый номер.

Я не хотела брать.

Но взяла.

— Алина Морозова? — спросил мужской голос, деловой и ровный.

— Да.

— Это помощник Матвея Игоревича Романова. Завтра в

десять утра вас ждут в офисе «Романов Девелопмент».

Я посмотрела в тёмное окно машины. В стекле отражалось моё лицо: усталое, растрёпанное, с потёкшей тушью у края глаза и всё ещё прямой спиной.

— А если я не приеду?

Пауза была короткой.

— Матвей Игоревич сказал, что вы спросите именно это.

Я сжала телефон крепче.

— И что он велел ответить?

Голос помощника стал ещё ровнее.

— Что тогда он сам придет к вам. В кондитерскую.

Мимо окна проплывали мокрые улицы, вывески, светофоры, люди под зонтами. Москва жила своей ночной жизнью, а моя — уже не помещалась в прежние границы.

Я усмехнулась.

— Передайте Матвею Игоревичу, что к десяти я занята.

— Каким временем вам удобно назначить встречу?

Я закрыла глаза на секунду.

Вот так они и делали. Не спрашивали, хочешь ли ты. Только уточняли, когда тебя удобнее поставить перед фактом.

— Никаким.

— Алина Сергеевна...

— Запишите точно. Я не приду к мужчине, который не умеет извиняться. Даже если у него офис выше облаков.

И отключила звонок.

Мама посмотрела на меня так, будто хотела перекрестить-

ся, но передумала.

— Ты правда не пойдёшь?

Я снова достала телефон. Новые уведомления появлялись одно за другим. Среди них вдруг всплыло свежее сообщение с неизвестного номера.

Без приветствия.

Без подписи.

Всего одна строка:

«Тогда я сам найду дорогу к вашей маленькой кондитерской».

Я смотрела на экран и чувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

Не от страха.

И не от радости.

От предчувствия, что сегодняшний вечер был не концом скандала.

Он был только началом.

Глава 2. Девушка со служебного входа

Утро началось не с будильника.

Оно началось с того, что мой телефон, оставленный на кухонном столе между мешком муки и списком заказов, дрожал так настойчиво, будто пытался сам сбежать из нашей кондитерской.

Я открыла глаза ещё до рассвета и несколько секунд лежала неподвижно на узком диване в комнате за пекарней. Вчера мы с мамой вернулись слишком поздно, домой ехать уже не было сил, поэтому остались ночевать здесь: она — в маленьком кресле, которое упрямо называла «почти удобным», я — на диване, где каждая пружина знала мою спину лучше некоторых бывших одноклассников.

За стеной было тихо.

Не совсем тихо, конечно. Улица за окном уже просыпалась: кто-то хлопнул дверью подъезда, где-то проехала первая машина, дворник скреб асфальт у входа в булочную напротив. Наш старый район никогда не спал красиво. Он не просыпался под шелест шёлковых занавесок и запах свежих цветов. Он просыпался скрипом труб, голосами соседей, кашлем автобуса на остановке, щёлканьем вывесок, которые включали владельцы маленьких лавок.

И я любила его именно таким.

Настоящим.

Немного облупленным, шумным, тесным, упрямым.

Нашим.

Телефон снова задрожал.

Потом ещё раз.

Потом пришло сразу несколько уведомлений подряд.

Я повернула голову. Мама спала в кресле, укрывшись клетчатым пледом. Лицо у неё было усталое, но спокойное. На щеке отпечатался край ладони. Рядом на стуле лежал её фартук — старый, с вышитой буквой «М», которую когда-то сделал папа. Я помнила, как он смеялся, когда вручал ей этот фартук на годовщину открытия кондитерской: «Морозова — значит, всё будет сладко, даже если жизнь решит подсолить».

Жизнь, как выяснилось, умела не только подсолить.

Она могла поставить тебя в бальный зал перед Матвеем Романовым, записать твою ссору на видео и отправить её гулять по всей Москве, пока ты пытаешься понять, как после этого жить дальше.

Я осторожно встала, чтобы не разбудить маму, и взяла телефон.

На экране было столько уведомлений, что сначала я просто смотрела на них, не открывая.

Сообщения. Комментарии. Пропущенные звонки. Отметки в публикациях. Новые подписчики на странице кондитер-

ской. Три заявки на торт. Семь сообщений от Нади. Два — от поставщика упаковки. Одно — от номера, который я не знала.

И ещё одно сообщение без имени.

То самое, ночное:

«Тогда я сам найду дорогу к вашей маленькой кондитерской».

Я смотрела на эту строку уже не так, как ночью.

Ночью она звучала как вызов.

Утром — как проблема, которую придётся решать до первой партии капкейков.

Я открыла переписку с Надей.

«Ты жива?»

«Алина, ответь».

«Ты понимаешь, что ты везде?»

«Нет, ну я знала, что ты однажды взорвёшь интернет, но думала, это будет тортом в виде Кремля, а не мажором в смокинге».

«Я утром приду. Не начинай без меня паниковать. Это моя работа».

Я невольно улыбнулась.

Надя была моей подругой с тех времён, когда я ещё вери-

ла, что если надеть чёрную кофту, то станешь незаметной. Она тогда сказала мне: «Ты не занавеска, Морозова. Не пытайся висеть у стены». С тех пор я иногда всё равно пыталась, но хотя бы знала, что кто-то придёт и снимет меня оттуда за шкурку.

Я ответила:

«Жива. Не паникую. Пока».

Ответ пришёл почти сразу.

«Пока — это уже прогресс. Через двадцать минут буду».

Я посмотрела на часы. Половина седьмого.

До заказа на капкейки оставалось полтора часа. До открытия кондитерской — два. До визита Матвея Романова, если он действительно решит выполнить ночное обещание, — неизвестно сколько.

Я поставила телефон экраном вниз и пошла на кухню.

На профессиональной кухне утром всегда есть короткий момент, когда ты ещё не включила свет, а помещение уже как будто ждёт. Металлические поверхности тускло отражают серое окно, в воздухе держится вчерашний сладкий след, на стеллажах стоят миски, формы, контейнеры. Всё спокойно. Всё на своих местах. И только ты знаешь, что через час здесь начнётся обычная маленькая буря: тесто, крем, таймеры, заказы, звонки, клиенты, крошки, счета.

Я щёлкнула выключателем.

Свет вспыхнул.

Наша кондитерская проснулась.

Я умылась у маленькой раковины, собрала волосы, надела фартук и достала из холодильника заранее приготовленные заготовки. Работа — лучшее, что можно сделать, когда мир решил обсуждать твою фигуру, голос, характер и перспективы выживания после столкновения с Романовыми.

Крем не спрашивает, зачем ты ответила мажору.

Тесто не пересылает видео друзьям.

Духовка не пишет комментарии.

В этом была честность, которой мне очень не хватало.

Я взяла миску, начала взбивать сливочную массу для капкейков и почти успокоилась, пока телефон снова не завибрировал. Я покосилась на него, но не подошла.

Ещё через минуту раздался звонок стационарного телефона кондитерской.

Вот это уже было хуже.

Стационарный номер знали клиенты. Настоящие. Те, кто заказывал торты на дни рождения, пироги на семейные ужины и эклеры «просто потому что пятница». Если они начнут звонить, значит, скандал добрался не только до светских каналов, но и до наших людей.

Я вытерла руки о полотенце и сняла трубку.

— Кондитерская «Морозова», доброе утро.

На другом конце повисло короткое молчание.

Потом женский голос спросил:

— Это вы вчера тому богачу ответили?

Я закрыла глаза.

Началось.

— Да, это была я.

— Ага. Значит, не монтаж.

— Нет.

— Я хотела заказать торт на пятницу, но теперь даже не знаю.

Я сжала трубку чуть крепче.

— По какой причине?

Женщина фыркнула.

— По такой, что мне скандалы не нужны. У меня муж человек серьёзный, гости приличные будут. А вдруг к вам теперь журналисты ходят или ещё кто? Нам лишнее внимание ни к чему.

Я смотрела на белый крем в миске. Гладкий, плотный, послушный. Как бы я хотела, чтобы разговоры тоже можно было взбить до нужной консистенции.

— Понимаю, — сказала я ровно. — Тогда вы можете отказаться от заказа.

— А предоплата?

— Предоплату вернём сегодня.

— Вот как? Без скандала?

— Мы делаем десерты. Скандалы — не наш профиль.

Она помолчала.

— Ладно. Я подумаю.

— Хорошо.

Я положила трубку и несколько секунд стояла неподвиж-

но.

Первый звонок — минус заказ.

Неплохо для начала знаменитости.

Мама вошла в кухню, на ходу завязывая волосы.

— Кто звонил?

Я повернулась.

— Клиентка сомневается насчёт торта.

— Из-за видео?

— Из-за того, что её муж серьёзный, а гости приличные.

Мама устало провела ладонью по лицу.

— Я боялась этого.

— Я тоже.

— И что теперь?

Я посмотрела на миску.

— Теперь доделываем капкейки.

— Алина.

— Мам, если мы сейчас сядем и начнём оплакивать репутацию, крем сам себя не отсадит.

Она хотела возразить, но в этот момент стационарный телефон зазвонил снова.

Мы обе посмотрели на него.

Мама сняла трубку.

— Кондитерская «Морозова», доброе утро.

Я продолжила взбивать крем, но слушала каждое слово.

Лицо мамы сначала было настороженным, потом удивлённым.

— Да, это мы... На сегодня? Нет, на сегодня мы не успеем большой заказ... Да, тарталетки можем сделать к вечеру, если количество небольшое... Откуда вы узнали? А, видео... Понятно. Спасибо. Нет, нет, конечно, записываю.

Она взяла карандаш, быстро записала адрес и количество, потом повесила трубку и посмотрела на меня.

— Тридцать тарталеток к вечеру.

— От кого?

— Какая-то девушка. Сказала, хочет попробовать «те самые, после которых мужчина в смокинге забыл манеры».

Я не выдержала и рассмеялась.

Мама тоже улыбнулась, но тревога никуда не делась.

— Это смешно, — сказала она. — Но нестабильно.

— Знаю.

— Сегодня могут прийти из любопытства. Завтра забудут. А Романовы не забудут.

Фамилия повисла на кухне, как холодная тень.

Я снова взяла телефон и открыла последние публикации. Лучше уж знать, что происходит, чем бояться собственной фантазии.

Видео действительно разлетелось.

В одном канале мой ответ уже поставили на музыку и сделали короткую нарезку: Матвей говорит свою фразу, я отвечаю, потом крупным планом его лицо. Подпись была почти торжественная: «Когда девушка из простой кондитерской напомнила элите о манерах».

В другом меня назвали «новой народной любимицей».

В третьем — «конфликтной поставщицей, которая сорвала деловую атмосферу благотворительного вечера».

Я пролиستала комментарии.

«Она молодец, наконец-то кто-то сказал этим золотым мальчикам правду».

«А с чего она решила, что имеет право хамить заказчику?»

«Кондитерская где? Хочу заказать у них торт».

«Такие женщины всегда агрессивные, потому что комплексы».

«Романов просто сказал как есть».

«Матвей красавчик, а она хайпует».

«Нет, ну ответ сильный».

«Пышка огонь».

«Пусть Романов извиняется публично».

«Да её завтра никто не наймёт».

Я выключила экран.

Пышка огонь.

Пышка хайпует.

Пышка не туда залезла.

Люди удивительно легко заменяли имя словом, которое считали главным во мне. Даже те, кто вроде бы был на моей стороне. Им было проще восхищаться «пышкой», чем женщиной по имени Алина, которая вчера просто не дала унижить свою мать.

— Не читай, — сказала мама тихо.

— Уже.

— И?

— Люди как всегда: половина хочет меня обнять, половина — поставить на место, третья половина — заказать тарелки.

— В математике у тебя никогда не было сильной стороны.

— Зато в карамели есть.

Мама покачала головой, но уголки губ дрогнули.

Мы работали почти молча. К восьми капкейки были готовы: аккуратные, светлые, с ягодной шапочкой, в коробках с лентами. Я уже собиралась написать курьеру, когда дверь с улицы открылась, и в кондитерскую ворвалась Надя.

Именно ворвалась. Она никогда не входила спокойно, даже когда пыталась.

На ней было длинное пальто цвета мокрой вишни, волосы собраны в высокий хвост, в руках две бумажные чашки кофе

и пакет с круассанами из соседней булочной.

— Сначала я скажу главное, — заявила она, едва переступив порог. — Ты вчера была великолепна.

Мама вышла из кухни и строго посмотрела на неё.

— Надя.

— Елена Сергеевна, я понимаю всю серьёзность ситуации, но если я сейчас не скажу, что ваша дочь одним предложением сделала то, о чём половина Москвы мечтала годами, у меня лопнет чувство справедливости.

— У тебя оно и так слишком громкое, — пробормотала мама.

Надя поставила кофе на витрину, обошла прилавок и обняла меня так крепко, что я едва не уткнулась носом в её шарф.

— Живая? — спросила она мне в волосы.

— Пока да.

— Видела комментарии?

— К сожалению.

— Тогда слушай меня внимательно. Не отвечать никому. Не оправдываться. Не писать длинных постов из серии «я не хотела». Не стирать видео, даже если начнут просить. И срочно закрепить на странице кондитерской нормальный пост с фотографией ваших десертов.

Я отстранилась.

— Ты пришла как подруга или как специалист по спасению тонущих в интернете?

— Я многопрофильная.

— Наша страница не готова к такому вниманию.

— Поэтому я здесь.

Надя уже доставала ноутбук из сумки.

Мама вздохнула:

— Девочки, у нас заказы.

— Заказы будут, Елена Сергеевна. Сейчас главное — не дать Романовым сделать из Алины истеричную поставщицу, которая решила прославиться на чужом вечере.

Я замерла.

— Ты думаешь, они попытаются?

Надя подняла на меня глаза.

— А ты нет?

Я молчала.

Конечно, я думала.

Просто надеялась, что утро даст мне хотя бы пять минут без этой мысли.

— Матвей Романов не из тех, кто молча смотрит, как его публично выставляют надменным хамом, — продолжила Надя. — У него на носу презентация нового элитного квартала. Я уже посмотрела новости: через несколько дней у них закрытый показ для инвесторов и городских партнёров. Видео сейчас очень некстати. Особенно фраза «такие, как ты». Она звучит слишком классово. Слишком некрасиво. И слишком точно.

Мама нахмурилась.

— Новый квартал?

Надя щёлкнула по клавишам, развернула к нам экран.

На сайте «Романов Девелопмент» красовался баннер: «Новая высота городской жизни. Презентация проекта “Высокий берег”».

Я наклонилась ближе.

На картинке были стеклянные башни, террасы, зелёные зоны, улыбающиеся люди в светлой одежде. Очень красиво. Так красиво, что сразу становилось понятно: в реальности на этом месте раньше было что-то, что кто-то решил не показывать.

— Где это? — спросила я.

Надя пролистала страницу.

— Они пока пишут расплывчато. Центральный административный округ, историческая зона реконструкции, современная среда для жизни и бизнеса. Любят они эти слова.

Я почувствовала неприятное напряжение под рёбрами.

— Историческая зона реконструкции — это как красиво сказать «снесём всё, что мешает»?

— Обычно да.

Мама подошла ближе, посмотрела на экран и вдруг очень тихо сказала:

— Это не наш район?

Я обернулась к ней.

— Мам.

— Нет, посмотри. Вот эта линия улиц... Они не пишут

адрес, но похоже.

Надя увеличила схему. Там не было точных названий, только общий силуэт квартала и несколько ориентиров. Но я слишком хорошо знала наш район. Его кривые улицы, старый сквер, угловой дом с башенкой, где на первом этаже работала мастерская по ремонту часов.

Схема была стилизованной.

И всё равно сердце ударило сильнее.

— Не факт, — сказала я.

Но голос прозвучал неубедительно даже для меня.

Надя внимательно посмотрела на нас.

— Вы что-то слышали?

Мама поджала губы.

— Несколько месяцев назад приходили люди. Говорили про развитие района, про возможные изменения, про выкуп помещений. Мы тогда решили, что это очередные разговоры.

Я вспомнила.

Двое мужчин в дорогих пальто заходили к нам в кондитерскую в конце зимы. Один купил эклер, второй не взял ничего, зато очень внимательно разглядывал стены, окна, потолок. Потом спросил у мамы, собственность ли помещение или аренда. Я тогда резко ответила, что к качеству пирожных этот вопрос отношения не имеет. Они улыбнулись и ушли.

Я почти забыла.

Теперь вспомнила слишком отчётливо.

— Почему ты мне не сказала? — спросила я.

Мама посмотрела на меня устало.

— Ты тогда была загружена заказами. И что бы изменилось? Разговоры ходят постоянно.

— Если это проект Романовых...

— Мы не знаем.

— Но можем узнать.

Надя повернула ноутбук обратно к себе.

— Я попробую поискать документы по закупкам и обсуждениям, но быстро не обещаю. Они могли всё оформить через дочерние структуры.

Стационарный телефон зазвонил снова.

Мама пошла отвечать. Я осталась рядом с Надей, глядя на экран, где сияли стеклянные башни будущего «Высокого берега».

Новая высота городской жизни.

А под ней — возможно, наша кондитерская, мамин фартук, папина надпись на старой стене в подсобке, соседский цветочный магазин, лавка с молниями и пуговицами, двор, где я в детстве пряталась от мальчишек, называвших меня булкой.

Как удобно называть это «территорией».

Территорию легче стереть, чем дом.

Мама вернулась с блокнотом.

— Ещё заказ. На эклеры. На завтра.

— Видишь? — сказала Надя. — Интернет не только ку-

сается, он иногда кормит.

— А иногда приводит к нам Романова, — ответила мама.

Будто по её словам дверь открылась.

Мы все одновременно повернулись.

Но это был не Матвей.

Вошла пожилая Тамара Ильинична из соседнего дома. Маленькая, сухая, в берете, с авоськой и вечным выражением лица «я всё вижу, но пока молчу из милости». Она купила у нас булочки почти каждый вторник последние десять лет и считала себя не клиенткой, а частью наблюдательного совета нашей жизни.

— Ну что, звезда интернета, — сказала она с порога, — мне два пирожных и объяснение, почему я узнала о твоих приключениях от внучки, а не из первых рук.

Мама закрыла глаза.

Надя хрюкнула от смеха.

Я опёрлась ладонями о прилавок.

— Тамара Ильинична, у нас ещё даже открытие через двадцать минут.

— А я не как клиент. Я как общественность.

— Общественности пирожные со скидкой не положены.

— Мне положены. Я тебя помню ещё тогда, когда ты пыталась продать соседям печенье из песка во дворе.

— Это был экспериментальный продукт.

— Это была грязь с листиком мяты.

Я впервые за утро засмеялась по-настоящему.

И стало легче.

Совсем немного, но легче.

Тамара Ильинична подошла к витрине и прищурилась.

— Видела я этого твоего Романова. Красивый, конечно, гадёныш.

— Он не мой.

— Пока не мой — это отдельная категория мужчин. Самая опасная.

— Не начинайте.

— Я и не начинала. Я просто говорю: если придёт, не робей. У богатых мужчин одна беда — им с детства редко говорят «нет». Вот они и вырастают удивлёнными.

Надя подняла палец.

— Золотые слова.

Мама положила Тамаре Ильиничне два пирожных в коробку.

— Не подливайте масла.

— Я не подливаю. Я поддерживаю девочку. Она правильно сказала. Костюм у него дорогой, а манеры как у человека, которому дверь всегда открывали раньше, чем он учился стучать.

Я невольно посмотрела на дверь.

Матвей не пришёл.

Пока.

Вместо него пришли люди.

К десяти утра у нас была очередь.

Не огромная, не как в фильмах, где после вирусного видео вся улица вдруг выстраивается за круассанами, но заметная. Для нашей маленькой кондитерской — почти невероятная. Заходили девушки с телефонами, пара офисных сотрудников из соседнего бизнес-центра, две студентки, мужчина в строгом пальто, который попросил «те самые тарталетки», хотя тарталетки ещё готовились к вечеру.

Некоторые улыбались искренне.

Некоторые снимали витрину.

Некоторые смотрели на меня слишком пристально.

Одна девушка попросила фото. Я отказалась вежливо, но внутри стало неприятно. Я не была актрисой после премьеры. Я не хотела превращаться в картинку с подписью «пышка против мажора». Я хотела продавать хорошие десерты и не краснеть, когда мама открывает счета.

Но мир, кажется, уже решил, что у меня новая роль.

Ближе к полудню пришёл первый неприятный звонок.

Не от клиента.

От мужчины, который не представился.

— Это Морозова? — спросил он без приветствия.

— Да.

— Вы понимаете, что публично оскорбили человека?

Я устала настолько, что даже не испугалась.

— Какого именно?

— Не стройте из себя умную.

— Тогда вам лучше звонить не мне. Я как раз строю.

Он выдохнул в трубку.

— Вам повезло, если всё закончится просто отказом партнёров. С такими людьми лучше не связываться.

— Спасибо за совет.

— Я серьёзно.

— Я тоже. До свидания.

Я положила трубку и поняла, что пальцы всё-таки дрожат.

Мама увидела.

— Кто?

— Заботливый незнакомец.

Надя, которая в этот момент писала пост для нашей страницы, подняла голову.

— Угрозы?

— Скорее дешёвое устрашение.

— Записывай время и номер. Всё фиксируем.

— Ты звучишь как адвокат.

— Я звучала бы убедительнее с дипломом, но берём тем, что есть.

Стационарный телефон снова зазвонил.

Я вздохнула и взяла трубку.

— Кондитерская «Морозова».

— Добрый день. Алина Сергеевна Морозова? — Голос был женский, спокойный, поставленный.

— Да.

— Меня зовут Виктория Андреевна Климова. Я директор по коммуникациям компании «Романов Девелопмент».

Я посмотрела на Надю.

Она сразу выпрямилась.

— Слушаю вас.

— Нам необходимо обсудить ситуацию, возникшую после вчерашнего благотворительного вечера.

— Если вам необходимо, обсуждайте.

Пауза.

Очень короткая. Профессиональная.

— Алина Сергеевна, я уверена, мы сможем найти взаимовыгодное решение.

— Взаимовыгодное — это когда Матвей Игоревич публично извиняется, а я продолжаю делать десерты?

Надя беззвучно показала мне большой палец.

Виктория Андреевна не изменила тона.

— Публичные формулировки требуют осторожности.

— Как и публичные унижения. Но с ними ваш руководитель вчера справился быстрее.

— Я понимаю вашу эмоциональную реакцию.

— Не надо её понимать. Лучше называйте вещи своими именами.

— Хорошо. Вчера произошёл конфликт. Он уже получил широкий общественный резонанс. Компания не заинтересована в его дальнейшем развитии, вы, полагаю, тоже.

— Зависит от того, что вы называете развитием.

— Мы предлагаем вам продолжить сотрудничество.

Я решила, что ослышалась.

— Что?

— Компания «Романов Девелопмент» готова заключить с вашей кондитерской контракт на обслуживание серии закрытых мероприятий в рамках презентации нового проекта.

Мама, услышав это, медленно повернулась ко мне.

Надя открыла рот, потом закрыла, потом придвинулась ближе, чтобы слышать.

— Вы шутите? — спросила я.

— Нет.

— Вчера ваш руководитель сказал, что такие, как я, здесь долго не задерживаются. Сегодня вы предлагаете мне обслуживать серию его мероприятий.

— Именно поэтому, — ответила Виктория Андреевна без малейшего смущения. — Общественное внимание сейчас направлено на вас обоих. Продолжение сотрудничества покажет, что конфликт исчерпан, стороны проявили профессионализм, а вчерашний эпизод был эмоциональным недо-разумением.

Я медленно опустилась на стул.

— То есть вы хотите использовать меня как доказательство, что Матвей Романов не хам?

— Я бы сформулировала иначе.

— А я сформулировала точно.

— Мы предлагаем вам выгодный контракт.

— За молчание?

— За работу.

— И за красивую картинку.

— В современном бизнесе репутация является частью работы.

Я посмотрела на маму. Она стояла у стола, сжимая полотенце в руках. В её глазах было то, что я ненавидела больше всего: надежда, испуганная собственной смелостью.

Выгодный контракт.

Серия закрытых мероприятий.

Если сумма будет серьёзной, мы сможем закрыть долги поставщикам, обновить витрину, заказать нормальную вывеску, возможно, нанять помощницу хотя бы на выходные. Мы сможем выдохнуть не на день, не на неделю — на месяц, а может, больше.

И всё это за то, чтобы снова войти в мир Матвея Романова.

Только уже не случайной вспышкой в чужом видео.

А частью его плана.

— Алина Сергеевна? — напомнила о себе Виктория.

— Я слушаю.

— Матвей Игоревич готов встретиться сегодня и обсудить условия.

— Матвей Игоревич умеет извиняться?

Снова пауза.

— Он готов к конструктивному разговору.

— Это не одно и то же.

— Вы хотите отказаться?

Вот здесь она ошиблась.

В её голосе впервые появилась почти незаметная уверенность: мол, конечно, не откажешься. Такие, как ты, не отказываются от денег. Такие, как ты, могут быть гордыми на видео, но потом приходят в офис и подписывают то, что им дают.

Я вдруг очень ясно увидела этот будущий офис. Стекло, металл, секретарь с идеальной укладкой, Матвей за столом, Виктория рядом с папкой, я — напротив, в лучшем платье из тех, что у меня есть, старающаяся не смотреть на ценники их часов и не думать, сколько месяцев аренды можно заплатить за одну ручку на их столе.

Нет.

Так не будет.

— Не хочу, — сказала я.

Виктория, кажется, не сразу поняла.

— Простите?

— Я не хочу отказаться. Но условия буду ставить я.

Надя резко выпрямилась и начала что-то быстро писать на салфетке.

Мама побледнела ещё сильнее.

— Я вас слушаю, — сказала Виктория.

— Первое. Полная предоплата за всю серию мероприятий до начала работы.

— Это нестандартно.

— Как и публичная ссора с вашим руководителем в ин-

тернете.

— Обычно мы работаем поэтапно.

— Обычно ваш руководитель не обещает приехать в маленькую кондитерскую, потому что девушка отказалась явиться в его офис.

На другом конце стало тихо.

Значит, ночное сообщение было не самодеятельностью.

— Второе, — продолжила я. — В договоре отдельно прописывается, что ни один представитель вашей компании, ваши гости, партнёры, родственники, друзья или случайные украшения интерьера не имеют права публично унижать сотрудников нашей кондитерской.

Надя на салфетке написала: «ШТРАФ ЗА НАРУШЕНИЕ».

Я кивнула и добавила:

— За нарушение — штраф.

— Алина Сергеевна, подобные пункты сложно формализовать.

— Тогда вам будет сложно получить мои тартелетки.

Мама тихо прошептала:

— Господи.

Я прикрыла трубку ладонью.

— Мам, не сбивай мне цену.

Надя отвернулась к стене, чтобы не засмеяться вслух.

Я снова вернулась к разговору.

— Третье. Никаких фраз в прессе, что конфликт был

недоразумением, если я лично не согласую текст.

— Вы хотите согласовывать пресс-релиз компании?

— Если в нём будет моё имя — да.

— Это тоже нестандартно.

— Виктория Андреевна, вы сами мне позвонили, чтобы я стала частью вашей репутационной истории. Истории без моего согласия не будет.

На этот раз пауза была длиннее.

Я почти слышала, как она оценивает меня заново. Уже не как девушку с вирусного видео. Не как эмоциональную поставщицу. Как проблему, у которой внезапно появились условия.

— Я передам Матвею Игоревичу, — сказала она.

— Передайте дословно.

— Он, вероятно, захочет обсудить это лично.

— Пусть приезжает.

Мама зажала рот ладонью.

Надя написала на салфетке: «ТЫ С УМА СОШЛА?»

Я взяла салфетку, перевернула и написала в ответ: «ДА».

— В кондитерскую? — уточнила Виктория.

— Да. Он сам вчера обещал найти дорогу. Проверим навигацию.

Виктория Андреевна впервые позволила себе почти человеческий вздох.

— Хорошо. Я свяжусь с вами позже.

— Жду.

Я положила трубку.

На кухне стало тихо.

Очень тихо.

Даже миксер, кажется, осуждающе молчал.

Первой заговорила мама.

— Ты пригласила Матвея Романова сюда?

— Формально это он сам попросился.

— Алина.

— Мам, если я поеду в его офис, это будет его территория.

Его правила, его люди, его стеклянные стены и секретари, которые смотрят так, будто ты испачкала воздух. Здесь моя территория.

— У нас маленькая кондитерская с облупившейся вывеской.

— Зато честная.

Надя медленно подняла салфетку с моими условиями.

— Я сейчас скажу как подруга: ты великолепна. А теперь скажу как человек, который хоть немного понимает переговоры: мы срочно перепишем эти условия нормально, потому что ты только что открыла дверь в очень крупную игру, где люди улыбаются, пока считают, как тебя переиграть.

— Спасибо за поддержку.

— Я поддерживаю. Просто с калькулятором.

Мама села на стул.

— Полная предоплата... Ты понимаешь, что если они согласятся, это могут быть большие деньги?

— Понимаю.

— А если не согласятся?

Я посмотрела на витрину, где лежали эклеры, пирожные, остатки утренних капкейков. За стеклом проходили люди. Некоторые останавливались, смотрели на нашу вывеску. Одна девушка подняла телефон, сфотографировала вход и пошла дальше.

— Тогда мы останемся при своём достоинстве, — сказала я.

Мама посмотрела на меня с грустной нежностью.

— Достоинство аренду не платит.

— Знаю.

— И муку не покупает.

— Тоже знаю.

— И вывеску не чинит.

— Мам.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала: иногда жизнь заставляет выбирать не между гордостью и унижением, а между плохим вариантом и ещё хуже.

Я подошла к ней и присела рядом.

— Я понимаю. Правда. Но именно поэтому мы должны хотя бы попытаться выбрать вариант, в котором нас не покупают вместе с молчанием.

Она смотрела на меня долго.

Потом коснулась моей щеки.

— Ты вся в отца.

— Красиво?

— Упрямо.

— Он бы вчера тоже ответил?

Мама улыбнулась, но глаза стали влажными.

— Он бы сначала ответил. Потом всю ночь переживал, как мы будем платить по счетам. Потом утром испёк бы пирог и сказал, что хуже уже было.

— Было?

— Конечно. Просто ты была маленькая и думала, что взрослые всегда знают, что делать.

Я опустила голову ей на колено на секунду, как в детстве. Очень коротко. Потому что уже через мгновение зазвонил телефон, Надя выругалась шёпотом из-за зависшего ноутбука, а в зал вошли новые клиенты.

Жизнь не ждала, пока я разберусь с чувствами.

Она требовала сдачу с пятитысячной.

До трёх часов дня мы работали почти без остановки.

Пост, который Надя выложила на странице кондитерской, оказался точным попаданием. На фотографии были наши тарталетки на деревянном подносе, без лишней роскоши, с подписью:

«Мы не знаем, сколько длится слава в интернете. Но знаем, сколько нужно времени, чтобы приготовить хорошую карамель. Кондитерская “Морозова” работает в обычном режиме. Десерты — с уважением. Диалоги — тоже».

Пост начали пересылать.

Люди писали комментарии, ставили сердечки, спорили, поддерживали, подкалывали. Заказы сыпались быстрее, чем мы успевали отвечать. Но вместе с ними приходили отказы. Два клиента перенесли заказы «до прояснения ситуации». Один ресторан написал, что больше не готов рассматривать сотрудничество, потому что «ценит нейтральный имидж партнёров».

Нейтральный имидж.

То есть молчаливый.

К четырём пришло письмо на почту.

От «Романов Девелопмент».

Я открыла его с таким видом, будто передо мной не письмо, а большая коробка, внутри которой может оказаться либо подарок, либо чья-то ядовитая вежливость.

Надя и мама стояли по бокам.

В письме было коротко:

«Алина Сергеевна, Матвей Игоревич готов обсудить условия сотрудничества сегодня в 18:00 в вашей кондитерской. Во вложении — предварительное коммерческое предложение».

Я открыла вложение.

Цифра заставила меня перечитать строку три раза.

Потом ещё раз.

Потом я молча повернула ноутбук к маме.

Она смотрела несколько секунд.

— Это за одно мероприятие?

— За серию, — сказала Надя, быстро пролистывая документ. — Но сумма всё равно очень хорошая. Даже подозрительно хорошая.

Мама медленно села.

Я стояла за её спиной и смотрела на экран.

Этих денег хватило бы не только на долги и вывеску. Мы могли бы обновить оборудование, нанять человека, сделать сайт, заказать нормальную фотосъёмку, подготовиться к зимнему сезону без вечного страха, что очередной счёт выбьет почву из-под ног.

Матвей Романов был неприятен.

Но его деньги выглядели очень убедительно.

И я ненавидела себя за то, что это понимала.

— Они покупают не десерты, — сказала я.

Надя кивнула.

— Они покупают картинку: Романов не враг простых людей, смотрите, он даже работает с той самой девушкой.

— И что нам делать?

Мама подняла глаза.

— Работать.

Я повернулась к ней.

— Мам.

— Работать, Алина. Но на своих условиях. Ты сама это сказала.

— А если условия не примут?

— Тогда не будем.

— Ты правда готова отказаться от такой суммы?

Она посмотрела на экран ещё раз. Я видела, как трудно ей ответить. Видела всю нашу жизнь в этой паузе: неоплаченные счета, старую духовку, сломанную ручку у двери, её усталые руки, мои ночные смены, папину фотографию на полке.

— Я не готова, — сказала мама честно. — Но если деньги дадут им право говорить с нами как вчера, то это уже не заработок. Это аренда нашей шеи.

У меня перехватило горло.

Надя тихо сказала:

— Елена Сергеевна, вы сейчас тоже великолепны.

— Не начинай. Я просто старая и злая.

— Это называется мудрая и опасная.

Мама махнула рукой, но я видела, что ей приятно.

В пять часов кондитерская начала пустеть. Мы закрыли витрину пораньше, оставив на двери табличку «Технический перерыв», хотя техническим в этом перерыве было только то, что я пыталась не развалиться перед встречей с человеком, который сам решил принести свой дорогой мир к нашему маленькому порогу.

Надя распечатала коммерческое предложение, выделила красным спорные пункты и составила список наших условий.

— Значит так, — сказала она, раскладывая листы на столе. — Первое: предоплата сто процентов. Второе: отдельное приложение с требованиями к коммуникации персона-

ла и представителей заказчика. Третье: штраф за публичное оскорбление, унижение, дискриминирующие высказывания и любые действия, вредящие деловой репутации исполнителя.

— Звучит так, будто мы не пирожные продаём, а заключаем мирный договор, — сказала я.

— В некотором смысле так и есть.

— Что ещё?

— Четвёртое: согласование всех публикаций с упоминанием тебя и кондитерской. Пятое: право отказаться от участия в мероприятии, если организаторы нарушают условия. Шестое: отдельная оплата срочности, потому что график плотный.

Мама присвистнула.

— Надя, а ты точно не юрист?

— Нет. Но я много раз спорила с арендодателем своего салона. Это почти высшее образование.

Я посмотрела на часы.

17:48.

Через двенадцать минут Матвей Романов должен был войти в нашу кондитерскую.

Я вдруг увидела помещение его глазами.

Маленький зал. Четыре столика. Две витрины. Стены цвета тёплого молока, которые мы красили сами. Полка с банками варенья. Старый снимок папы у кассы. Вывеска с буквой, которую давно пора заменить. Занавеска на двери в кухню.

Кресло у окна, где Тамара Ильинична иногда сидела так долго, будто входило в стоимость пирожного.

Здесь не было мрамора.

Не было хрусталя.

Не было людей с гарнитурами и лицами, на которых написано: «мы контролируем хаос».

Здесь пахло тестом, карамелью, кофе и жизнью, которая не всегда получалась красивой, но была нашей.

Я поправила волосы, хотя знала, что они всё равно выбились у висков после рабочего дня. На мне было тёмно-синее платье, фартук я сняла, но руки всё ещё пахли сахаром. Я посмотрела на себя в отражении стеклянной витрины.

Пышная девушка из обычной семьи.

Такая, как я.

Не его круга.

Дверь открылась ровно в шесть.

Матвей вошёл без свиты.

И от этого стало почему-то хуже.

Я ожидала помощников, водителя, Викторию Андреевну, кого угодно, кто разбавил бы его присутствие. Но он пришёл один. В тёмном пальто, без смокинга, в обычном деловом костюме, который всё равно стоил, наверное, как половина нашего оборудования. На улице шёл дождь, на его плечах блестели капли, но даже это выглядело не небрежно, а как часть образа человека, которому погода тоже подчиняется в рамках договора.

Он остановился у входа и огляделся.

Не с презрением.

Вот что меня разозлило сильнее всего.

Он не скривился, не усмехнулся, не показал, что помещение кажется ему маленьким. Он просто смотрел внимательно. На витрину, на стены, на таблички с ценами, на папину фотографию, на маму за стойкой, на Надю с распечатками.

Потом его взгляд остановился на мне.

— Алина Сергеевна.

Не Алина.

Не девушка.

Не «та самая».

Алина Сергеевна.

Надя под столом легонько пнула меня ногой, видимо, чтобы я не выглядела слишком удивлённой.

— Матвей Игоревич, — ответила я. — Всё-таки нашли дорогу.

— У вас заметная вывеска.

— У нас честная выпечка. Вывеска делает что может.

Его взгляд на секунду скользнул к окну, где снаружи действительно висела наша упрямая, старенькая вывеска.

— Я не пришёл обсуждать дизайн.

— Жаль. У нас по нему тоже много претензий.

Мама тихо кашлянула.

Матвей перевёл взгляд на неё.

И вот тут произошло то, чего я не ждала.

Он снял перчатки, подошёл ближе и слегка наклонил голову.

— Елена Сергеевна, — сказал он. — Вчера я позволил себе некорректное высказывание в ваш адрес. Приношу извинения.

Кухня, зал, улица за окном — всё на секунду будто оставалось.

Мама растерялась.

Надя подняла брови.

Я смотрела на Матвея и пыталась понять, это часть переговорной стратегии или в нём действительно что-то треснуло после ночи, проведённой под ударами комментариев.

Мама ответила не сразу.

— Я принимаю извинения, — сказала она наконец. — Но не понимаю, почему вы не начали с моей дочери.

Матвей медленно повернулся ко мне.

В его лице ничего не изменилось, но я почувствовала, как воздух стал плотнее.

— Потому что с вашей дочерью разговор будет длиннее, — произнёс он.

— Надеюсь, не настолько длинный, чтобы остыли эклеры, — вмешалась Надя. — У нас деловая встреча, а не дуэль в трёх актах.

Матвей посмотрел на неё.

— Вы?

— Надежда. Подруга Алины и временно человек, который

читает мелкий шрифт.

— Юрист?

— Почти. Я умею видеть ловушки, даже если их посыпали сахарной пудрой.

Его губы чуть дрогнули.

Не улыбка. Но близко.

— Полезный навык.

— В вашем окружении, уверена, незаменимый.

Я едва не поперхнулась воздухом.

Матвей снял пальто, аккуратно повесил его на спинку стула и сел за столик у окна. Не в центр. Не во главу. Просто сел там, где было свободно.

Этот жест тоже был рассчитанным.

Я не обольщалась.

Матвей Романов, вероятно, умел занимать любую комнату так, чтобы все решили, будто он всего лишь вежлив. Но всё равно было странно видеть его здесь, под нашим старым светильником, рядом с вазочкой, в которой лежали карамельки для детей.

Я села напротив.

Мама осталась у стойки.

Надя устроилась рядом со мной, как адвокат без диплома, но с боевым настроем.

Матвей достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Я ознакомился с вашими условиями.

— Быстро.

— Я быстро читаю.

— И что скажете?

Он положил лист на стол.

— Полная предоплата возможна.

Я не ожидала, что он согласится так сразу.

Видимо, это отразилось на лице, потому что он чуть наклонил голову.

— Вы думали, я начну торговаться?

— Я думала, вы начнёте объяснять, что такие условия не ставят компании вашего уровня.

— Такие условия ставят люди, которые считают, что у них есть рычаг.

— А у меня он есть?

— Сейчас — да.

Надя тихо сказала:

— Мне нравится слово «сейчас». Такое честное.

Матвей не отвёл взгляд от меня.

— Второй пункт требует уточнений. Формулировка о публичном унижении слишком широкая.

— Ваше вчерашнее высказывание в неё попадает?

— Да.

Он сказал это спокойно.

Без спора.

И этим сбил меня сильнее, чем любым возражением.

— Тогда формулировка достаточно точная, — ответила я.

— Не совсем. Если гость мероприятия напишет в личном

блоге, что ваши десерты ему не понравились, это не унижение.

— Если он напишет, что я не должна находиться рядом с приличными людьми, потому что не вписываюсь в его представление о красивой жизни, — это унижение.

— Согласен.

Снова это слово.

Согласен.

Мне хотелось спросить, кто он и что сделал с Матвеем Романовым из вчерашнего зала. Но я не стала. Не нужно было давать ему понять, что простая человеческая адекватность уже выглядит для меня почти фокусом.

— Третий пункт, — продолжил он, — согласование публикаций. Примем, если сроки согласования не будут срывать график.

— Я не собираюсь сидеть у телефона круглосуточно, ожидая, когда ваша компания решит использовать моё имя.

— Вам будут направлять материалы заранее.

— И без слова «недоразумение».

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вас задело именно оно?

— Меня задело многое. Но «недоразумение» удобно тем, что никому не нужно быть виноватым.

Матвей молчал несколько секунд.

— Хорошо. Слово не используем.

Надя быстро сделала пометку.

— Четвёртое, — сказал он. — Право отказаться от мероприятия при нарушении условий. Принимается, если факт нарушения фиксируется письменно.

— То есть если кто-то оскорбит меня при гостях, я должна попросить его подождать, пока оформлю акт?

— Нет. Но договор должен работать не на эмоциях, а на доказательствах.

— Удобно.

— Практично.

— Для кого?

— Для обеих сторон, если вы действительно хотите работать, а не только продолжать ссору.

Я откинулась на спинку стула.

Вот он.

Настоящий Матвей.

Не тот, который извиняется перед мамой и спокойно принимает пункты. А тот, который одной фразой возвращает разговор в привычную для себя плоскость: хватит эмоций, давайте к делу.

— Вы считаете, я хочу продолжать ссору?

— Я считаю, вам сейчас выгодно быть человеком, который не уступил Романову.

— А вам выгодно сделать вид, что Романов никого не унижал.

— Верно.

Он сказал это без попытки смягчить.

Прямо.

И от этого я вдруг почувствовала странное уважение. Небольшое. Осторожное. Нежелательное.

— Значит, мы оба понимаем, зачем здесь сидим, — сказала я.

— Да.

— Тогда не будем делать вид, что это жест доброй воли.

— Не будем.

Мама поставила на стол две чашки кофе.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Мам?

— Переговоры переговорами, а человек с дороги.

Матвей поднял на неё взгляд.

— Спасибо.

— Не за что. Кофе платный.

Надя резко уткнулась в бумаги.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

Матвей достал кошелёк.

Мама посмотрела на него так, будто он плохо понял устройство мира.

— После переговоров.

— Конечно.

Эта короткая сцена почему-то разрядила воздух. Не полностью. Но достаточно, чтобы мы снова смогли говорить без ощущения, что каждая фраза летит ножом.

Мы обсуждали условия почти час.

Матвей оказался жёстким, но не глупым. Не давил там, где понимал, что мы не отступим. Уточнял детали. Менял формулировки. Один раз позвонил Виктории Андреевне и приказал подготовить обновлённый договор к завтрашнему утру. Слово «приказал» подходило идеально: говорил он спокойно, но так, что на другом конце, кажется, люди уже бежали.

Я наблюдала за ним и пыталась не забывать, кто передо мной.

Мужчина, который вчера назвал меня «такие, как ты».

Мужчина, чья семья, возможно, собиралась перестроить наш район.

Мужчина, который пришёл сюда не потому, что его замучила совесть, а потому что видео мешало бизнесу.

И всё же он сидел в нашей маленькой кондитерской, пил мамин кофе без сахара, отвечал на мои условия и ни разу не посмотрел на меня так, как вчера у десертного стола.

Не надо, Алина.

Я почти слышала собственный внутренний голос.

Не придумывай ему оправданий из пары нормальных фраз. У богатых мужчин есть особый талант: они могут один раз повести себя прилично — и женщина уже начинает объяснять себе, почему вчерашнее хамство было не настоящим.

Нет.

Вчерашнее было настоящим.

Как и сегодняшнее.

В человеке иногда помещается больше одной правды. От этого он не становится безопаснее.

Когда основные пункты были согласованы, Матвей закрыл папку.

— Значит, завтра вам направят договор. Первый аванс поступит после подписания.

— Не аванс, — поправила я. — Предоплата.

— Предоплата, — повторил он.

— И ещё одно.

Он поднял глаза.

— Слушаю.

Я достала распечатку с баннером проекта «Высокий берег» и положила перед ним.

Мама напряглась.

Надя перестала писать.

Матвей посмотрел на лист.

И его лицо стало чуть более закрытым.

Почти незаметно.

Но я уже начинала понимать: у Матвея Романова не так много случайных реакций. Если его лицо стало закрытым, значит, вопрос попал в точку.

— Что это? — спросил он.

— Ваш новый проект.

— Я знаю.

— Где он будет?

— Информация будет раскрыта на презентации.

— Не играйте со мной в пресс-релиз. Где он будет?

Он медленно отодвинул чашку.

— Почему вас это интересует?

— Потому что на схеме очень похож наш район.

Мама у стойки замерла.

Матвей посмотрел на неё, потом на меня.

— Проект касается нескольких кварталов.

— Каких?

— Алина Сергеевна...

— Адреса.

— Сейчас я не могу обсуждать детали.

Я усмехнулась.

Вот и ответ.

— Значит, касается.

— Я этого не сказал.

— А что сказали?

— Что не могу обсуждать детали.

— Вы собираетесь заключить контракт с кондитерской, которая может оказаться на территории вашего проекта, и называете это деталями?

Его взгляд стал жёстче.

— Не передёргивайте.

— Я не передёргиваю. Я спрашиваю прямо: ваша компания собирается выкупать или сносить дома на нашей улице?

Слово «сносить» прозвучало слишком громко в маленьком зале.

За окном прошёл мужчина с пакетом, остановился у витрины, посмотрел внутрь и пошёл дальше. Обычная улица. Обычный вечер. Люди возвращались домой, не зная, что, возможно, кто-то уже нарисовал вместо их домов стеклянные башни и назвал это новой высотой жизни.

Матвей молчал.

И его молчание было хуже ответа.

Мама села на стул у стойки.

Надя тихо сказала:

— Матвей Игоревич, лучше ответить сейчас. Потому что если мы найдём это сами, доверия не останется совсем.

Он посмотрел на неё.

— Доверие не было частью договора.

— Зато скандал — был, — ответила она. — А второй скандал вы сейчас точно не хотите.

Матвей снова перевёл взгляд на меня.

— Проект находится в стадии согласований.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу дать.

— Можете или хотите?

— Алина.

Он впервые за вечер произнёс моё имя без отчества.

Тихо.

Жёстко.

И от этого между нами снова вспыхнуло вчерашнее напряжение. Не бальный зал, не видео, не гости — просто он и

я, две разные жизни, столкнувшиеся лбами у стола, где пахло кофе и карамелью.

— Не называйте меня так, когда собираетесь уйти от ответа, — сказала я.

Он сжал челюсть.

— Вы не понимаете масштаб проекта.

— А вы не понимаете масштаб слова «дом».

— Дом можно перенести.

Я даже не сразу поверила, что он это сказал.

Мама тихо охнула.

Надя закрыла глаза.

А я смотрела на Матвея и чувствовала, как всё хорошее, что он успел сделать за этот час — извинение перед мамой, спокойный тон, согласие на условия, — откатывается куда-то назад, потому что передо мной снова сидел человек из мира, где чужую жизнь можно перенести, если она мешает красивой схеме.

— Дом нельзя перенести, — сказала я медленно. — Можно перенести мебель. Кассу. Столы. Вывеску, даже если она висит на честном слове. А дом — нет.

— Иногда изменения необходимы.

— Кому?

— Городу. Людям. Инфраструктуре.

— Как удобно говорить от имени людей, не спросив их.

— Вы думаете, старые кварталы можно сохранить только потому, что у кого-то там воспоминания?

— Я думаю, что если для вашего будущего нужно стереть наше прошлое, то с этим будущим что-то не так.

Он поднялся.

Не резко, но разговор явно закончился по его решению.

— Я пришёл обсудить контракт, а не градостроительную политику.

Я тоже встала.

— А я теперь не уверена, что хочу подписывать контракт с человеком, который, возможно, завтра придёт за моим домом.

— Вы смешиваете личное и деловое.

— Вы вчера смешали моё тело, моё происхождение и мою работу в одной фразе. Не вам учить меня разделять.

Он застыл.

На его лице впервые за вечер мелькнуло что-то похожее не на раздражение, а на усталость. Словно я попала в место, которое он сам не хотел трогать.

Но длилось это мгновение недолго.

— Договор вам пришлют утром, — сказал он. — Решение за вами.

— Нет, Матвей Игоревич. Решение за вами тоже. Если ваш проект касается нашего района, я хочу знать до подписания.

— Я не могу раскрывать закрытую информацию.

— Тогда не ждите открытого доверия.

Он взял пальто со спинки стула.

Мама встала.

— Вы так и не ответили.

Матвей остановился у двери.

— Елена Сергеевна, я понимаю ваше беспокойство.

— Нет, — сказала мама тихо. — Не понимаете. Вы говорите о кварталах. А я здесь мужа похоронила, дочь вырастила и каждый угол своими руками вымыла. Для вас это проект. Для меня — жизнь.

Он молчал.

Я видела его профиль в тёплом свете нашей маленькой кондитерской. Красивый. Холодный. Уже не такой безупречный, как вчера, но всё ещё слишком далекий.

— Завтра, — сказал он наконец, — я смогу сказать больше.

— Почему не сейчас? — спросила я.

Он повернулся ко мне.

— Потому что завтра утром совет директоров утвердит финальную территорию проекта.

В груди стало пусто.

— И наша улица в списке?

Он посмотрел прямо на меня.

— Да.

Одно слово.

Всего одно.

Но иногда одного слова достаточно, чтобы весь твой мир перестал быть устойчивым.

Мама опустилась на стул.

Надя тихо выругалась себе под нос.

А я стояла и смотрела на мужчину, который пришёл предложить нам контракт, а принёс новость, от которой наши тарталетки, заказы, вывеска, даже вчерашний скандал вдруг стали маленькими и почти смешными.

Матвей открыл дверь.

С улицы в кондитерскую ворвался холодный влажный воздух.

— Завтра я пришлю вам не только договор, — сказал он.
— Я пришлю схему территории. И если вы хотите бороться, лучше сначала понять, против чего именно.

— А вы? — спросила я.

Он задержался на пороге.

— Что я?

— Вы на чьей стороне?

Вопрос прозвучал раньше, чем я успела решить, имею ли право его задавать.

Матвей долго смотрел на меня.

Потом сказал:

— Я пока не знаю.

И ушёл.

Дверь закрылась за ним тихо, почти вежливо.

Я осталась посреди нашей маленькой кондитерской, где пахло кофе, карамелью и внезапным страхом.

За окном Матвей сел в чёрную машину. Через несколько

секунд она растворилась в мокром вечернем потоке.

Телефон на столе снова завибрировал.

Я взяла его почти машинально.

Новое уведомление из городского канала.

«После скандала с кондитерской Морозовой компания Романовых готовит презентацию элитного квартала. По неподтверждённым данным, под застройку может попасть исторический район с малыми семейными бизнесами».

Под публикацией уже набирались комментарии.

Я медленно подняла глаза на маму.

Она смотрела не на телефон.

На стены.

На витрину.

На папину фотографию у кассы.

На наш дом, который кто-то уже, возможно, посчитал недостаточно дорогим, чтобы оставить.

И тогда я поняла: вчера Матвей Романов стал моим личным врагом случайно.

Сегодня — официально.

Глава 3. Пари золотых мальчиков

Утром Матвей Романов прислал мне карту моего будущего исчезновения.

Не лично, конечно. Такие люди редко делают грязную работу собственными руками, даже если грязь всего лишь цифровая, аккуратно упакованная в письмо с корпоративной подписью и вежливым обращением. В восемь тринадцать на почту кондитерской пришло сообщение от Виктории Андреевны Климовой. Тема письма была сухой: «Материалы по проекту “Высокий берег” и обновлённый договор».

Я смотрела на экран и почему-то не открывала вложение.

Мама стояла рядом с чашкой кофе, к которому так и не притронулась. Надя пришла раньше открытия, принесла с собой ноутбук, зарядку, блокнот и выражение лица человека, который собирается воевать не эмоциями, а таблицами.

— Открывай, — сказала она.

— Я не хочу.

— Это не тот случай, когда незнание делает жизнь приятнее.

— Я знаю.

Но палец всё равно не нажимал на файл.

Вчера вечером, после ухода Матвея, мы почти не говорили. Мама долго сидела у витрины и смотрела на папину фотографию, будто ждала от неё ответа. Надя пыталась ис-

кать хоть какие-то открытые данные по проекту, но всё упиралось в красивые формулировки, дочерние структуры, расплывчатые схемы и обещания «бережной городской трансформации». Я ненавидела это выражение сразу и целиком. Трансформация звучала мягко. Почти заботливо. Как будто дом сам хотел превратиться в стеклянную башню, а маленькие магазины — в лобби с мраморной стойкой.

К полуночи мама сказала:

— Идите домой.

— Мам...

— Я не развалюсь за ночь.

— Я не об этом.

— А я об этом. Если утром окажется, что нас действительно хотят выдавить отсюда, мне понадобятся силы. И тебе тоже. Так что хватит смотреть на стены так, будто они уже прощаются.

Она сказала это ровно, но я видела, как ей трудно.

Мы выросли в этой кондитерской. Не физически, конечно, хотя иногда мне казалось, что я действительно провела здесь больше часов, чем в собственной комнате. Папа поставил первую витрину, мама выбирала цвет стен, я в двенадцать лет криво написала мелом на доске «свежие булочки», и папа сказал, что это уже почти реклама. У нас не было дворцов, запасных квартир, семейных трастов и фамилии, которая открывает двери. У нас была эта маленькая точка на старой улице. Место, где люди знали не только цену экле-

ра, но и то, что мама по вторникам любит крепкий чай, а я не выношу, когда карамель называют просто «сладкой штукой».

И теперь кто-то нарисовал поверх этого прямоугольник. Новая высота городской жизни.

Я наконец открыла вложение.

На экране появилась схема.

Не рекламная, не размытая, не та, что вчера была на сайте. Эта была точнее. С улицами. Номерами домов. Цветными зонами. Маленькими пометками, которые для чужого глаза, наверное, ничего не значили, а для меня вдруг стали приговором.

Наш дом был в жёлтой зоне.

Кондитерская — тоже.

Я не сразу поняла, что перестала дышать.

— Покажи, — тихо сказала мама.

Я повернула ноутбук.

Она наклонилась ближе, всмотрелась и очень медленно поставила чашку на стол. Кофе в ней дрогнул, расплескавшись тёмным ободком по белому блюдцу.

— Это мы, — произнесла она.

Надя молча придвинулась к экрану.

— Жёлтая зона, — сказала она, читая пояснения. — Объекты первоочередного выкупа и последующей интеграции в коммерческую инфраструктуру проекта.

— Какая красота, — сказала я. — Нас не снесут. Нас ин-

тегрируют.

Мама села.

Я ждала, что она заплачет. Наверное, была готова к этому больше, чем к её тишине. Но мама просто сцепила руки и посмотрела на старую стену у кухни. Там, за дверью, была маленькая царапина в форме полумесяца. Папа оставил её, когда тащил первый стеллаж и отказался ждать грузчиков, потому что «мы сами, Лен, мы всё сами».

— Они не имеют права просто так забрать, — сказала я.

Надя подняла глаза.

— Просто так — нет. Но если начнут выкупать помещения, давить через аренду, предлагать условия соседям по отдельности, создавать ощущение неизбежности... Это не быстро, но очень неприятно.

— Неприятно? — Я почти рассмеялась. — Надь, неприятно — это когда крем расслоился за час до выдачи заказа. А это...

Я не договорила.

Потому что если назвать вслух, станет слишком настоящим.

Мама вдруг сказала:

— Что с договором?

Я повернулась к ней.

— Мам.

— Что с договором, Алина?

— Ты сейчас думаешь о контракте?

— Я сейчас думаю о том, что если нам придётся бороться, нам нужны деньги. Не красивые слова, не гордость в комментариях, не чужие лайки. Деньги, юрист, время и возможность не закрыться через месяц.

— То есть ты предлагаешь работать на них?

— Я предлагаю взять с них столько, сколько они готовы заплатить за свою чистую картинку, и потратить это на то, чтобы они не смогли стереть нас с карты.

Надя медленно подняла палец.

— Елена Сергеевна, я официально хочу записывать ваши фразы и продавать как мотивационные открытки.

Мама не улыбнулась.

— Не надо превращать это в шутку.

— Не буду.

Я снова посмотрела на договор.

Обновлённая версия уже учитывала почти все наши условия. Полная предоплата. Отдельный пункт о публичных высказываниях. Согласование любых материалов с нашим именем. Возможность отказаться от участия при нарушении условий. Штрафы. Чёткие сроки. И сумма, от которой у меня снова неприятно сжалось в груди.

Романовы умели платить так, чтобы совесть звучала тише. Но мама была права.

Деньги можно было превратить в защиту. В консультации. В документы. В ремонт, если всё затянется. В дыхание, пока вокруг нас сжимается чья-то дорогая рука.

— Они хотят, чтобы мы сегодня приехали на закрытый клубный вечер, — сказала Надя, пролистывая письмо. — Не основная презентация, а что-то вроде внутренней встречи с партнёрами и ближним кругом. Формат: дегустация, неформальное общение, предварительное знакомство с концепцией проекта.

— Ближний круг? — переспросила я.

Словосочетание прозвучало хуже, чем хотелось.

— Да. И вот это, — Надя ткнула пальцем в письмо, — выглядит как первая попытка показать: смотрите, Алина Морозова сотрудничает с нами, значит, никакого конфликта нет.

— А если я не поеду?

— Тогда контракт под вопросом.

Мама посмотрела на меня.

— Поедешь.

— Мам.

— Поедешь, — повторила она. — Не как украшение их вечера. Не как девочка, которую привели показать. Как человек, который пришёл выполнить работу и посмотреть им в глаза.

— В глаза? Там, скорее всего, будет Кира, его мать и ещё десяток людей, которые вчера мысленно выбрали мне место у служебного входа.

— Значит, покажешь им, что служебный вход тоже ведёт внутрь, если человек идёт не за подачками.

Я смотрела на маму и вдруг понимала: вчера Матвей задел

не только меня. Он разбудил в ней что-то, что долгие годы спало под усталостью, счётами и осторожностью. Мама боялась, да. Но теперь этот страх не сгибал её. Он выпрямлял.

Наверное, упрямство у нас действительно семейное.

К вечеру я снова оказалась перед зеркалом.

Только на этот раз не в отеле, не в нашем рабочем платье и не рядом с тележками, где пахло сахаром и картоном. Я стояла в маленькой комнате за кондитерской, перед старым зеркалом на дверце шкафа, и пыталась решить, как должна выглядеть девушка, которую ведут в круг людей, уже успевших решить, что она там лишняя.

Надя сидела на диване и командовала процессом так, будто готовила меня не к мероприятию, а к историческому поединку.

— Чёрное платье не надевай.

— Почему?

— Потому что они решат, что ты пытаешься выглядеть стройнее, строже, незаметнее и вообще просишь прощения своим силуэтом.

— Моему силуэту никто не выдавал обязанности по извинениям.

— Вот именно. Поэтому надевай синее.

Я посмотрела на тёмно-синее платье, которое висело на дверце. Оно было проще вчерашнего, но сидело лучше. Мягкая ткань не прятала меня, а собирала. Линия талии, открытые запястья, небольшой вырез, ничего лишнего. В нём я

не выглядела как женщина, случайно забежавшая в дорогой мир с подносом в руках. В нём я выглядела как человек, которого трудно не заметить.

— Слишком нарядно? — спросила я.

— Для них — недостаточно дорого. Для тебя — достаточно красиво. Значит, идеально.

— Ты сегодня удивительно злая.

— Я не злая. Я стратегически раздражённая.

Мама вошла без стука, держа в руках небольшую коробку.

— Десерты готовы. Карамельные тарталетки, эклеры с ванильным кремом, шоколадные мини-пирожные и профитро-ли.

— Профитроли опять строят из себя башню? — спросила я.

— Нет. Сегодня они лежат культурно. После вчерашнего я не хочу, чтобы у нас ещё и десерты смотрели на людей свысока.

Я улыбнулась, но тут же заметила, что мама слишком тщательно поправляет крышку коробки. Так она делала, когда волновалась.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так смотришь?

Она подошла ближе и поправила прядь у моего лица.

— Потому что ты моя дочь. Я могу знать, что ты справишься, и всё равно хотеть закрыть тебя собой от всех этих

людей.

От этих слов в груди стало тепло и больно одновременно.

— Мам, я не маленькая.

— Для меня это не имеет значения.

— Я не позволю им снова себя унижить.

— Я боюсь не только этого.

— А чего?

Мама посмотрела мне в глаза.

— Я боюсь, что они будут не грубыми. Грубость ты выдержишь. Я боюсь, что они будут вежливыми так, чтобы ты сама почувствовала себя лишней.

Я молчала.

Потому что именно этого боялась и я.

Крик легко отразить. Оскорбление можно вернуть. Но вежливое презрение проникает тоньше. Оно не ломает дверь, оно просачивается под ней, пока ты сама не начинаешь думать: может, действительно не стоило приходить; может, они правы; может, мой голос слишком громкий, платье слишком простое, тело слишком заметное, происхождение слишком очевидное.

Мама взяла мои руки.

— Помни, зачем ты едешь.

— За контрактом.

— Не только.

— За информацией.

— И за тем, чтобы не отдать им нашу гордость бесплатно.

Я кивнула.

В шесть тридцать за мной приехала машина.

Не та вчерашняя, мамина, арендованная для перевозки коробок, где пахло картоном и мокрыми ремнями. Чёрный автомобиль с водителем в идеально выглаженной рубашке остановился у нашей кондитерской так тихо, будто не хотел касаться старого асфальта. Несколько соседей сразу выглянули из окон. Тамара Ильинична, которая покупала у нас пирожные час назад, появилась у подъезда с лицом, выражавшим одновременно тревогу и удовольствие от происходящего.

— Ну что, — сказала она, подходя ближе, — князь прислал карету?

— Скорее эвакуатор для моей нервной системы.

— Не показывай им нервы. Показывай зубы. Улыбкой, конечно. Мы же приличные люди.

— Постараюсь.

Она оглядела меня с ног до головы и одобрительно кивнула.

— Хорошая. Не тоненькая тростинка, которая при первом ветре переломится. Нормальная женщина. Пусть смотрят и завидуют.

— Тамара Ильинична...

— Что? Я комплимент делаю. В моём возрасте комплименты уже не обязаны быть изящными.

Мама помогла поставить коробки в багажник. Надя суну-

ла мне в сумку папку с копией условий, зарядку, бумажные салфетки и маленькую ручку.

— Зачем ручка? — спросила я.

— Чтобы подписывать договор или закалывать врагов. По обстоятельствам.

— Надь.

— Шучу. Почти.

Я села в машину.

Когда дверь закрылась, шум улицы стал глухим, будто кто-то накрыл наш район стеклянным колпаком. Водитель уточнил адрес и больше не говорил. Я смотрела в окно, как наши знакомые дома медленно остаются позади, и пыталась не думать, что, возможно, скоро они будут так же исчезать не из окна машины, а из жизни.

Закрытый клуб находился в одном из переулков недалеко от набережной.

Снаружи здание выглядело почти скромно: старинный фасад, тяжёлая дверь, мягкий свет за высокими окнами. Но охрана у входа, тишина перед дверью и отсутствие вывески говорили яснее любой рекламы: сюда не приходят случайно. Сюда либо приглашают, либо не существуют.

Я вышла из машины, поправила пальто и взяла коробку с десертами.

Водитель тут же потянулся помочь.

— Я сама.

Он отступил, но так аккуратно, будто ему было велено не

спорить со мной, если я вдруг решу нести на руках весь дом.

У входа меня встретила Виктория Андреевна Климова.

Сегодня она была в светлом костюме, идеально спокойная, идеально собранная, с тем же голосом, которым вчера по телефону предлагала превратить конфликт в «взаимовыгодное решение».

— Алина Сергеевна, добрый вечер.

— Добрый. Надеюсь, сегодня меня сразу внесли в список людей, которых не надо принимать за мебель.

Она не моргнула.

— Вы в списке гостей.

— Интересный рост. Вчера деталь, сегодня гость.

— Обстоятельства меняются.

— Люди реже.

Виктория Андреевна чуть склонила голову.

— Матвей Игоревич ожидает вас в зале. Десертная зона готова, персонал клуба поможет с расстановкой.

— Персонал клуба может помочь донести подставки. Расставлять буду я.

— Разумеется.

Она открыла дверь, и я вошла.

Внутри клуб оказался таким, каким богатые люди, наверное, представляют себе уют: тёмное дерево, глубокие кресла, приглушённый свет, книжные полки, на которых книги выглядели как часть дорогого декора, и камин, в котором огонь горел слишком дисциплинированно, чтобы казаться живым.

Здесь не пахло едой, пылью, улицей или чужими духами вперемишку. Здесь пахло кожей, деревом и деньгами, которые никогда не спешат.

В зале было человек двадцать.

Мужчины в костюмах без галстуков, женщины в платьях, которые казались простыми только до того момента, пока ты не представлял их цену. Смех, низкие голоса, бокалы, лёгкая музыка. На большом экране у стены застыл кадр будущего «Высокого берега»: башни, воздух, свет, террасы, люди без забот и без лишних килограммов памяти за плечами.

Матвей стоял у камина.

Не один.

Рядом с ним был высокий русоволосый мужчина с ленивой улыбкой и девушка с короткими тёмными волосами. Чуть дальше — Кира. Сегодня она была в красном платье, и выглядело это как заявление: я здесь не для фона. Я здесь, чтобы меня боялись заметить слишком поздно.

Матвей увидел меня почти сразу.

Это было неприятно.

Я могла бы убедить себя, что просто вошла заметно. Что он следил за дверью из-за деловой необходимости. Что ему нужно было убедиться, приехала ли я. Но его взгляд нашёл меня слишком быстро и остановился слишком точно.

Будто он ждал.

Я ненавидела эту мысль.

Он направился ко мне. Спокойно, без улыбки, как чело-

век, который идёт не встречать, а принимать.

— Алина Сергеевна.

— Матвей Игоревич.

Он посмотрел на коробку.

— Помочь?

Вопрос был такой простой, что я на секунду растерялась.

Вчера он не спросил бы. Вчера он приказал бы кому-то убрать, передвинуть, не мешать. Сегодня спросил.

И это меня только разозлило, потому что в нём, как выяснялось, умел существовать нормальный человек. Просто включался он, видимо, по расписанию репутационного отдела.

— Спасибо, справлюсь.

— Я не сомневаюсь.

Пауза.

Слишком короткая, чтобы её назвать смущением. Но достаточно длинная, чтобы я услышала в ней продолжение: теперь уже не сомневаюсь.

— Зона там, — он указал в сторону длинного стола у окна. — Виктория сказала, что вы предпочитаете сами контролировать выкладку.

— Удивительно, как быстро ваша команда учится.

— Когда это выгодно.

— Честно.

— Сегодня я стараюсь не тратить ваше время на красивые упаковки.

— Кроме проекта на экране?

Он посмотрел на экран.

— Это отдельный разговор.

— Для вас, может быть.

— Для нас обоих, — сказал он тише. — Но не здесь.

Я хотела ответить, но в этот момент к нам подошёл тот самый русоволосый мужчина. Близко. Слишком уверенно. Он держал бокал, улыбался и смотрел на меня с таким откровенным любопытством, будто перед ним была не женщина, а редкий экспонат, который вчера случайно сбежал из витрины.

— Так вот она какая, — протянул он. — Девушка, которая заставила Матвея Романова впервые за год стать мемом.

Матвей не улыбнулся.

— Артём.

— Что? Я же восхищаюсь. Обычно, чтобы его лицо стало таким напряжённым, нужен совет директоров, отец или Кира в плохом настроении. А тут — кондитерская.

Я посмотрела на Артёма.

— Если хотите попробовать десерты, они будут через десять минут. Если хотите обсудить мою биографию, боюсь, меню не хватит.

Он засмеялся.

— Острая.

— Свежая. Сегодняшняя.

Кира подошла как раз вовремя, чтобы услышать послед-

ние слова.

— Матвей, ты не представишь нас? Или девушка из народа теперь входит в зал без церемоний?

Её голос был мягким, почти ласковым. Только в этой ласке чувствовалось лезвие.

Матвей повернулся к ней.

— Кира, это Алина Морозова. Владелица кондитерской, с которой мы сотрудничаем.

— Совладелица, — поправила я. — Вторая владелица — моя мать.

— Разумеется, — сказал Матвей.

Кира протянула мне руку.

Я пожала.

Её пальцы были холодными и тонкими. Она сжала мою ладонь чуть сильнее, чем требовалось, и улыбнулась.

— Кира Воронцова. Старый друг семьи.

— Очень старый? — спросила я раньше, чем успела остановиться.

Артём тихо фыркнул.

Глаза Киры блеснули.

— Достаточно близкий, чтобы знать, кого Матвей обычно приводит в наш круг.

Наш круг.

Вот он, главный герой вечера.

Не Матвей. Не проект. Не контракт.

Круг.

Слово было круглым, закрытым и гладким. В нём не было углов, за которые можно зацепиться. Ты либо внутри, либо снаружи. И если тебя пустили ненадолго, не стоит путать экскурсию с принадлежностью.

— Надеюсь, у вашего круга есть столовые приборы, — сказала я. — Тогда вечер уже пройдёт лучше, чем мог бы.

Артём расхохотался уже открыто.

Кира не отвела взгляд.

— Смело для случайной девочки из народа.

Фраза попала.

Не потому, что была новой. Ничего нового в ней не было. Меня всю жизнь пытались уменьшить до случайности. Случайно прошла отбор. Случайно сказала удачную фразу. Случайно стала заметной. Случайно оказалась рядом с теми, кто родился с правом быть в центре.

Но ударило другое: Матвей стоял рядом.

И молчал.

Я медленно повернулась к нему.

Он смотрел на Киру, не на меня. Лицо спокойное, закрытое. Челюсть чуть напряжена. Я уже знала этот знак: он недоволен. Но недовольство, которое не превращается в слово, для окружающих не существует.

Кира тоже это знала.

И улыбнулась шире.

— Не обижайтесь, Алина. Это не оскорбление. Просто констатация. Вы же действительно из другого мира.

— Да, — сказала я. — В моём мире, например, сначала пробуют десерт, а потом решают, достоин ли человек разговора.

— Какая милая привычка.

— Попробуйте. Вдруг понравится быть приличной.

Артём снова сделал вид, что кашляет в бокал.

Матвей наконец сказал:

— Кира, достаточно.

Не резко.

Не так, как я бы хотела.

Но сказал.

Кира повернула к нему голову.

— Я просто знакомлюсь.

— Ты умеешь знакомиться лучше.

— С теми, кто останется надолго, — ответила она.

Вот теперь воздух вокруг нас стал по-настоящему холодным.

Я посмотрела на Матвея. Он не сразу ответил. И этого было достаточно.

Кира выиграла маленький раунд.

Не потому, что сказала что-то особенно умное. А потому, что заставила его выбирать публично, и он выбрал не меня. Он выбрал тишину. Осторожность. Свой круг. Свой порядок, где бывшая почти-невеста имеет право на колкость, а девушка из кондитерской должна быть благодарна уже за то, что её не выставили сразу.

Я улыбнулась.

— Не волнуйтесь, Кира. Я не планирую задерживаться в местах, где люди считают воспитание роскошью.

И пошла к десертному столу.

Спина была прямой. Шаги — спокойными. Я даже коробку несла так, будто внутри лежали не пирожные, а документы на владение этим клубом.

Только ладони вспотели.

И сердце билось слишком быстро.

Виктория Андреевна помогла мне разложить подставки, хотя, кажется, делала это впервые в жизни. Она подавала тарелки осторожно, будто боялась испачкать не пальцы, а репутацию.

— Вам не стоило реагировать на Киру Сергеевну, — сказала она негромко.

— А ей не стоило начинать.

— Здесь это не работает так просто.

— Заметила. Здесь хамство называется традицией, если его произносит правильный человек.

Виктория посмотрела на меня.

— Вы очень быстро наживаете врагов.

— У меня талант.

— И всё же вам лучше быть осторожнее. Кира Сергеевна не просто гость.

— Бывшая невеста?

Виктория не ответила.

Ответила пауза.

Я расставила эклеры ровным рядом.

— Значит, бывшая.

— Их семьи давно связаны.

— Семьи или они?

— Иногда это одно и то же.

Я подняла на неё глаза.

Виктория Андреевна не выглядела злой. Она выглядела человеком, который слишком давно работает рядом с богатыми людьми и научился говорить правду так, чтобы формально её не сказать.

— Вы предупреждаете меня? — спросила я.

— Я делаю так, чтобы вечер прошёл без новых скандалов.

— Тогда начните с тех, кто их провоцирует.

— Они не считают, что провоцируют.

— Конечно. Когда человек стоит наверху, ему кажется, что он просто смотрит вниз.

Виктория ничего не ответила.

Я закончила выкладку, поставила карточки с названиями десертов и на секунду позволила себе посмотреть на результат.

Красиво.

Не клубно-дорого, не холодно-безупречно, а по-настоящему красиво. Тарталетки сияли тонкой карамельной глазурью, эклеры лежали ровно, профитроли под тёмным шоколадом выглядели почти торжественно. Наш стол был малень-

ким островом тепла в этом зале, где всё казалось выверенным до последнего вдоха.

К десертам быстро потянулись гости.

Сначала осторожно. Потом активнее. Богатые люди тоже любят сладкое, просто делают вид, что это не слабость, а часть дегустационного опыта.

Я отвечала на вопросы, рассказывала про состав, давала визитки, принимала комплименты. Некоторые были искренними. Некоторые звучали так, будто человек удивлён: надо же, у простой женщины получилось нечто съедобное. Но я держалась.

Пока не увидела, как Матвей снова смотрит на меня из другого конца зала.

Он разговаривал с двумя мужчинами, но взгляд время от времени возвращался ко мне. Не пристальный, не откровенный. Контролирующий.

Или внимательный.

Не важно.

Я отвернулась первой.

Ближе к середине вечера меня попросили вынести дополнительную коробку с тарталетками, оставленную в маленькой подсобке за залом. Я была даже рада уйти на пару минут. В этом клубе воздух был слишком дорогим и слишком плотным. От него уставали плечи.

Подсобку мне показал официант — узкая комната рядом с коридором, ведущим к закрытому лаунжу. Я забрала ко-

робку, уже собиралась вернуться, когда из-за полуоткрытой двери донёсся смех.

— Нет, ну признай, она эффектная, — говорил Артём. — Не в вашем привычном формате, конечно, но глаз цепляет.

Я остановилась.

Не потому, что хотела подслушивать.

Просто ноги сами замерли, когда ты слышишь разговор о себе в месте, где тебя и так оценивают с первой секунды.

— Эффектная? — протянул другой мужской голос. — Она Матвею репутацию чуть не утопила, а ты говоришь эффектная.

— Зато какая реклама. Сегодня половина города знает, что у Романовых есть совесть. Правда, в лице кондитерской. Несколько человек засмеялись.

— Матвей зря её притащил, — сказал третий. — Такие девочки быстро начинают думать, что их позвали не ради картинки, а потому что они равные.

— О, началось. Лев, ты у нас специалист по социальным лифтам?

— Я специалист по тому, как такие истории заканчиваются. Пару дней внимания, пару публикаций, потом ей объяснят, где подписывать, где улыбаться, где молчать.

Я почувствовала, как пальцы сжались на коробке.

Где подписывать.

Где улыбаться.

Где молчать.

— А если не объяснят? — спросил Артём с ленивым интересом.

— Сбежит сама.

— Пари?

Молчание длилось секунду.

Потом кто-то усмехнулся.

— На что?

— На ящик шампанского. Ставлю, что она выдержит три мероприятия.

— Три? Да она после сегодняшнего уйдёт хлопнув дверью.

— Не уйдёт, — сказал Артём. — У неё глаза упрямые.

— Упрямство дешёвое, если аренда дорогая.

Опять смех.

Я стояла в коридоре, и коробка в руках вдруг стала тяжёлой.

Не от веса.

От понимания, что для них я была не человеком и даже не проблемой. Я была развлечением. Ставкой. Новым эпизодом в скучной жизни тех, кто мог спорить не о деньгах, а о том, сколько выдержит чужое достоинство перед их насмешками.

— Матвей в пари не пойдёт? — спросил кто-то.

Я напряглась.

Пауза.

Потом голос Матвея.

— Нет.

Одно слово.

Ровное.

Холодное.

У меня почему-то дрогнуло сердце. Глупо, нелепо, неправильно. Но дрогнуло. Он не участвовал.

— Почему? — рассмеялся Артём. — Боишься проиграть?

— Я не ставлю на людей.

Снова пауза.

Я закрыла глаза.

Эта фраза могла бы быть хорошей.

Могла бы.

Если бы после неё он сказал ещё хоть что-нибудь.

Если бы добавил: хватит. Если бы обозначил границу. Если бы хотя бы раз поставил свой круг на место так же уверенно, как вчера ставил меня.

Но он молчал.

И кто-то другой тут же сказал:

— Благородно. Почти трогательно. Значит, мы без тебя. Я ставлю, что девочка из карамели не доживёт до презентации.

— А я, — голос Киры прозвучал мягко, лениво, почти близко, — думаю, она задержится. Такие часто цепляются за шанс, даже если он им жмёт.

В комнате снова засмеялись.

Матвей ничего не сказал.

Вот так просто.

Он не поставил на меня.

Но и не защитил.

Иногда молчание не нейтрально. Иногда оно просто вытирает сторону тех, кто говорит громче.

Я медленно поставила коробку на ближайший столик в коридоре.

Руки дрожали. Не сильно. Достаточно, чтобы я поняла: если сейчас войду туда и начну говорить, голос может сорваться. А я не хотела давать им ещё одну сцену. Ещё один ролик. Ещё одну ставку.

Пусть спорят о том, как я уйду.

Я уйду так, чтобы им стало неудобно сидеть.

Я вернулась в подсобку, открыла коробку и достала чистую карточку для названия десерта. Ручка лежала в сумке — та самая, которую Надя дала «для договора или врагов». Я усмехнулась, хотя глаза неприятно щипало.

Врагов сегодня было много.

Бумага — одна.

Я написала медленно, аккуратно, без злости в почерке:

«Передайте своему кругу: я не сбежала. Я просто не работаю для тех, кто не умеет вести себя за столом».

Потом положила карточку поверх тартелеток, закрыла коробку и отнесла её не в зал, а обратно к двери лаунжа.

Я не стала стучать.

Просто открыла.

Все повернулись.

Их было шестеро. Артём сидел на подлокотнике кресла,

рядом тот самый Лев, ещё двое мужчин, Кира у маленького столика и Матвей у окна. На столе стояли бокалы, на экране в углу застыла презентация «Высокого берега», а в воздухе ещё висел остаток их смеха.

Он оборвался, когда они увидели меня.

Очень удобно.

Значит, всё-таки понимали.

Я вошла ровно на два шага и поставила коробку на стол.

— Дополнительные тарталетки, — сказала я. — Раз уж вы так увлечены дегустацией моей выдержки.

Артём первым опустил взгляд на карточку.

Прочитал.

Его улыбка исчезла.

Потом карточку увидел Лев. Потом Кира. Потом Матвей.

Я смотрела только на него.

Не на остальных.

На него.

Потому что именно его молчание оказалось самым громким.

Матвей прочитал записку и поднял глаза.

— Алина...

— Не надо, — сказала я спокойно. — Сегодня без длинных разговоров. У вас здесь, я вижу, всё уже обсудили.

Кира откинулась на спинку кресла.

— Вы подслушивали?

Я повернулась к ней.

— Нет. Вы говорили достаточно громко для людей, которым нечего стыдиться.

Лев усмехнулся:

— Вы слишком болезненно реагируете на шутки.

— А вы слишком часто называете шуткой то, за что приличные люди извиняются.

Артём поднялся.

— Слушайте, я не хотел...

— Хотели, — перебила я. — Просто не думали, что я услышу.

Он замолчал.

Вот это было приятно. Не победно, нет. Просто правильно.

Матвей сделал шаг ко мне.

— Мы выйдем и поговорим.

— Нет.

— Алина.

— Нет, Матвей Игоревич. Я сегодня уже достаточно послушала. Теперь послушаете вы. Один раз и без права перебивать.

Он остановился.

В зале за моей спиной звучала музыка. Где-то смеялись гости, официанты продолжали носить бокалы, проект «Высокий берег» продолжал сиять на экранах так, будто под ним не было нашей улицы.

А я стояла в комнате, где богатые мужчины только что

спорили, сколько я выдержу.

И вдруг больше не боялась.

— Я подписала ваши условия, потому что моей семье нужны деньги, — сказала я. — Не буду делать вид, что это не так. Вы все, наверное, именно это и хотели услышать: простая девочка из народа пришла за шансом. Да, пришла. Только не за вашим разрешением быть рядом. Не за местом в вашем кругу. Не за тем, чтобы кто-то из вас решил, достаточно ли я тонкая, тихая, удобная или благодарная.

Кира чуть сузила глаза.

Лев отвёл взгляд первым.

Я продолжила:

— Я пришла работать. Десерты на столе — моя работа. Контракт — тоже. А ваше пари, ваши улыбки, ваши комментарии про аренду и то, кто сколько выдержит, — это не светский юмор. Это плохое воспитание, которому слишком долго хлопали, потому что оно родилось в дорогих семьях.

Артём тихо сказал:

— Сильно.

— Я не для рецензии говорю.

Он поднял ладони, сдаваясь.

Матвей всё ещё смотрел на меня. Лицо закрытое, но в глазах было что-то тяжёлое. Не раздражение. Хуже. Понимание. Запоздалое.

— Контракт остаётся в силе, — сказала я. — Потому что я не разрываю деловые обязательства из-за чужой невоспи-

танности. Но сегодня моя работа закончена. Остаток десертов можете раздать гостям, увезти домой или поставить на полку рядом с вашими представлениями о людях ниже вас. Мне всё равно.

— Вас никто не держит, — сказала Кира.

Я улыбнулась.

— Вот именно. В этом наша с вами разница. Вы всё время говорите так, будто я мечтаю остаться.

Она побледнела от злости, но промолчала.

Я повернулась к Матвею.

— А вам отдельное спасибо.

Он чуть заметно напрягся.

— За что?

— За то, что не поставили на меня.

Он не успел ответить.

Я добавила:

— Жаль, что не хватило смелости снять ставки.

Это попало.

Я увидела.

Не по лицу даже — по тому, как он замер. Как рука, лежавшая на спинке кресла, сжалась. Как взгляд на долю секунды стал не холодным, не хозяйским, а почти потерянным.

Но я не собиралась утешать его собственной совестью.

Я развернулась и вышла.

В зале на меня оглянулись несколько гостей. Наверное, лицо у меня было слишком спокойным для женщины, кото-

рая только что оставила свой первый крупный контракт на тонкой грани скандала. Виктория Андреевна почти сразу появилась рядом.

— Что произошло?

— Уточните у ближнего круга.

— Алина Сергеевна...

— Десертный стол заполнен. Работа выполнена. Акт можете прислать на почту. Если ваша компания считает, что я нарушила договор, оформляйте письменно.

— Вы уходите?

— Да.

— Матвей Игоревич в курсе?

— Теперь да.

Я прошла к гардеробу, забрала пальто и сумку. Сердце колотилось так, что я едва слышала собственные шаги, но внешне держалась. Я очень старалась держаться. Потому что стоило мне выйти из этих стен, сесть в любую машину, оказаться вне их взглядов — и тогда уже можно будет трястись, злиться, возможно, даже плакать.

Но не здесь.

Не для них.

На улице было холодно. Дождь закончился, и город блестел мокрым асфальтом, отражая фонари. У входа стоял тот же водитель, но я прошла мимо.

— Алина Сергеевна, машина...

— Спасибо. Я сама.

— Но мне велели...

— А мне надо пройтись.

Он не стал спорить. Видимо, инструкции Матвея Романова всё-таки имели предел, если женщина в синем платье смотрела так, будто ещё одно «мне велели» может стать последним звуком этого вечера.

Я вышла на переулок и вдохнула.

Воздух был холодный, обычный, городской. Без кожаных кресел, дорогого дерева и чужого смеха за закрытыми дверями. Я шла быстро, не разбирая дороги, пока клуб не остался за поворотом.

Только тогда достала телефон.

От Нади было четыре сообщения.

«Ну как?»

«Ты жива?»

«Если они тебя обидели, просто пришли точку. Я пойму».

«Морозова, не молчи».

Я остановилась у витрины закрытого книжного магазина и набрала:

«Я ушла».

Ответ пришёл сразу.

«Кого убила?»

Я почти рассмеялась. Почти.

«Никого. Но оставила записку».

«Господи, я горжусь и боюсь. Едешь домой?»

Я посмотрела на тёмное отражение в стекле. На женщину в синем платье, с чуть растрёпанными волосами, с прямой спиной и глазами, в которых усталость уже не успевала прятаться.

«Да. Скоро буду».

Я убрала телефон и сделала шаг к дороге, когда за спиной раздалось:

— Алина.

Я закрыла глаза.

Конечно.

Он всё-таки пошёл следом.

Матвей стоял в нескольких метрах от меня, без пальто, будто вышел слишком быстро и не подумал о холоде. В свете фонаря его лицо казалось резче, чем в клубе. Не таким безупречным. Живым. Злым. Или не злым. Я уже не знала.

— Вы не обязаны были идти за мной, — сказала я.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он молчал.

Я устала настолько, что его молчание больше не интриговало.

— Если хотите сказать, что я нарушила этикет, не трудитесь. В вашем кругу этикетом называют умение молчать, когда над тобой ставят опыты с шампанским.

— Я должен был остановить их.

Фраза прозвучала негромко.

Без защиты.

Без «но».

Я посмотрела на него внимательнее.

— Да.

Он кивнул.

— Да.

От этого согласия почему-то стало больнее. Потому что спорить проще. Когда человек оправдывается, ты можешь ударить в ответ. А когда он признаёт, у тебя остаётся только правда, которая уже случилась.

— Почему не остановили?

Матвей отвёл взгляд на мокрую мостовую.

— Привычка.

— К чему? К тому, что ваши друзья унижают людей?

— К тому, что в моём кругу многое произносят как шутку, пока это не становится проблемой.

— А я стала проблемой?

Он посмотрел на меня.

— Да.

Я усмехнулась.

— Спасибо за честность.

— Вы стали проблемой не потому, что мешаете. Потому что после вас некоторые вещи стало трудно не замечать.

Я не сразу нашла ответ.

Он стоял передо мной без привычной сцены, без камина, без Киры, без Артёма, без своей аудитории. Просто мужчина в дорогом костюме на мокрой улице. И впервые за всё время его слова не звучали как приказ или манёвр.

Но доверять словам было опасно.

Слова у него были красивые, когда он хотел.

Поступки пока отставали.

— Это неудобно, наверное, — сказала я. — Замечать людей.

— Очень.

Я всё-таки улыбнулась. Коротко, вопреки себе.

Он заметил.

И почему-то не воспользовался.

— Вернитесь, — сказал он.

Вот теперь я почти рассердилась снова.

— Нет.

— Я не договорил.

— А я договорила. Там всё сказано.

— Не для них. Для меня.

— Матвей Игоревич, вы слишком поздно обнаружили, что у вас есть личное мнение.

Он вздрогнул едва заметно.

— Справедливо.

— Тогда зачем вы здесь?

Он сделал шаг ближе, но остановился на уважительном расстоянии. Впервые.

— Чтобы сказать, что контракт останется в силе. Полностью. С вашими условиями. И сегодняшнее не повторится.

— Потому что вы приказали?

— Потому что я скажу им, что если повторится, они будут иметь дело со мной.

— Надо же. Наконец-то стол научился вести себя прилично, когда десерты ушли.

Его губы чуть дрогнули.

— Вы всегда так отвечаете?

— Только когда меня сравнивают со ставкой в пари.

— А в обычной жизни?

— В обычной жизни я пеку, считаю счета и пытаюсь не ругаться с мужчинами, которые строят кварталы поверх чужих домов.

— Это мы тоже обсудим.

— Мы?

— Да.

— Вы уже выбрали сторону?

Он замолчал.

И этого было достаточно.

Я кивнула.

— Тогда не обещайте разговоры, в которых заранее нет ответа.

— Я не знаю, какой ответ смогу дать.

— А я не знаю, смогу ли простить вам молчание. Видите, у нас обоих сложный вечер.

Он смотрел на меня долго.

Потом сказал:

— Я отвезу вас домой.

— Нет.

— Уже не приказ. Предложение.

— Всё равно нет.

— Почему?

— Потому что сейчас, если я сяду в вашу машину, вы решите, что достаточно вышли на улицу без пальто и сказали пару правильных фраз. А я слишком устала объяснять мужчинам, что минимальная порядочность — это не подвиг.

Он ничего не ответил.

Я достала телефон, вызвала такси и только после этого снова посмотрела на него.

— Возвращайтесь в свой круг, Матвей Игоревич. Скажите им, что пари пока не сыграло.

— А если они спросят, когда вы вернётесь?

Я улыбнулась.

— Передайте, что такие, как я, возвращаются только туда, где им платят по договору и не путают с развлечением.

Такси подъехало через несколько минут.

Он не пытался открыть мне дверь. Не потому, что не хотел, наверное. Потому что понял: сейчас любой красивый жест будет лишним.

Я села в машину, назвала адрес кондитерской и не обернулась сразу.

Только когда мы выехали из переуллка, я позволила себе посмотреть назад.

Матвей всё ещё стоял у тротуара.

Один.

Без пальто.

Без своего круга.

Без ответа.

И впервые с момента нашей встречи он казался не человеком, который владеет всем вокруг, а мужчиной, который только что понял: есть двери, которые не открываются фамилией.

Даже если очень поздно постучать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.